

ГИЗУМ ГЕРКО

НЕБЕСНЫМ ТЕХНАРЬ

КНИГА 1

Гизум Герко

Небесный Технарь 1

<https://litres.ru/74622462>

SelfPub; 2026

Аннотация

После аварии на заводе я очнулся в теле тощего юнги на летающем корабле. Под бортом — облака, рядом — гарпунная лебёдка, вокруг орут на незнакомом языке. На работу, похоже, уже опоздал.

Теперь я Кир, младший на побегушках у команды «Пронзающего». Таскаю воду, отмываю детали и учусь держаться на ногах, когда корвет идёт на охоту. Здесь корабли летают благодаря магии, а за право прикоснуться к их механизмам отвечают суровые мастера.

Только перегретую трубу я узнаю и в чужом мире. И вижу, куда придётся удар, если сорвётся этот трос.

У меня есть опыт заводского ремонтника, упрямство и две руки. Придётся заново заслужить доверие, найти учителя и разобраться, как устроено здешнее небо. Начну с клапана. На охоте от него будут зависеть люди.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Гизум Герко

Небесный Технарь 1

Глава 1

Перед смертью жизнь не проносится перед глазами. Никакого кино. Просто короткий сухой щелчок, и все, что от тебя остается, — это запах озона, горелой меди и паленого мяса.

Моего мяса.

Но до этого щелчка оставалось еще минут десять. С них и начну.

— Кирюха, мать твою, ты там уснул?! Или решил гнездо свить?!

Голос Михалыча, нашего прораба, пробивал даже гул прокатных станов из соседнего цеха. Глотка у него была луженая. Тридцать лет на вредном производстве даром не проходят.

— У нас простой третьей печи, мать ее! — надрывался он снизу. — Если металл остынет и встанет в ковше, директор нас всех на этот же гребаный вал и наматает, понял меня?!

Сам я висел под потолком плавильного цеха, метрах в четырех над полом. Страховочный пояс резал поясницу, пот заливал спину. Под крышей копился весь жар, градусов

пятьдесят, не меньше, и воздух стоял густой, масляный, с той въедливой горечью раскаленного металла, которую потом неделю отмываешь из носа.

— Михалыч, не ори, изоляцию поплавишь! — крикнул я вниз, морщась: едкий пот заливал глаза. На Михалыча я даже не смотрел, не отрываясь от раскрытого щита. — Тут на главном контакторе тягу перекосило. Втулка разбита к чертям, привод заклинило.

Снизу долетело только сердитое сопение.

— Так меняй, инженер хренов!

— На что?! — я с досадой щелкнул отверткой по закопченному корпусу контактора. — У нас на складе мыши повесились еще в прошлом квартале! Ты же сам на планерке завхозу матом объяснял, что у нас ЗИПа нет!

Я вытер лоб рукавицей и всмотрелся в переплетение кабелей толщиной в палец. Дело было дрянь. Если глушить линию по уму: обесточить весь пролет, вызвать дежурного с допуском, оформить бумажку, ждать, пока остынет. Часа два, не меньше. А за два часа простоя третьей печи с нас снимут стружку вместе с кожей. План у комбината горел.

Значит, импровизируем. Настоящей инженерией я тогда называл любую починку, после которой начальство получало работающий станок. Даже если сам отлично знал: с таким износом узел полагалось менять.

Я задержал руку у кромки щита, подальше от открытых силовых шин. Воздух над ними дрожал, от медных пластин

веяло жаром перегрузки.

— На одну плавку хватит, — пробормотал я себе под нос. Свободной рукой я вытащил из петли на поясе тяжелый гаечный ключ «на тридцать два», выкованный еще до моего рождения. Хороший кусок стали. — Сейчас тягу верну на место.

Я перегнулся через перила мостика.

— Михалыч! Если меня сейчас коротнет, передай моей бывшей жене, что токарный станок с ЧПУ я любил больше, чем ее борщи!

— Я тебе дам «коротнет»! — донесся снизу полный праведного гнева рык. — Я из тебя премию вычту посмертно, клоун! Освобождай тягу и слезай, пока я лестницу не убрал!

Лестницу он бы, конечно, не убрал. А вот премию вычел бы. Это у Михалыча было святое.

Я усмехнулся. План был прост, как топор: поддеть ключом перекошенную тягу и освободить привод. Правило рычага и немного наглости. Я так делал десятки раз на станках поменьше, обесточенных перед ремонтом. Здесь шины оставались под напряжением. Я видел узкий промежуток между ними и тягой и все равно полез: решил, что удержу ключ и закончу за одно движение.

Я перехватил рукоять ключа поудобнее. Плечо привычно напряглось.

Рядом с тягой темнел керамический изолятор. В тусклом свете пыльных ламп под слоем многолетней копоти разли-

чалась только его округлая кромка. Я принял изоляцию за целую и потянулся дальше.

Я задержал дыхание и с силой нажал на ключ. Тяга внезапно поддалась, а рука пошла следом.

Ключ задел край изолятора. Хрустнула керамика; из-под копоты мелькнул белый скол. Между металлом и шиной вспыхнуло. Я успел увидеть свет у самой рукавицы.

Все слилось в одну белую вспышку, выжегшую зрение. Внутри черепа лопнула струна — тонкая, оглушительная. А потом ударило так, будто меня на полном ходу снес товарный состав. Спину выгнуло дугой, мышцы свело, воздух в легких стал раскаленным.

Темнота пришла сразу.

* * *

Потом было долгое ледяное падение сквозь пустоту, без верха и низа.

А после в уши ворвался рев, низкий, звериный, отдающийся прямо в грудной клетке. Свист ветра, треск дерева и резкие хлопки, будто где-то рядом стравливали пар под высоким давлением.

Тело вернулось разом, и с ним пришел ад. Меня выворачивало наизнанку. Руки-ноги слушались плохо, будто чужие, а само тело было пугающе легким, точно из меня вынули половину веса. Щека лежала на чем-то твердом, ребристом, мокрому. Деревянная решетка. Пахло солью, кровью, озоном и какой-то едкой химией. Откуда в плавильном цеху

деревянная решетка?

Я с трудом разлепил веки. В глаза ударил резкий, холодный до рези свет.

Вместо закопченного бетона с паутиной труб надо мной было небо. Синее, бездонное, все в стремительных облаках. И оно двигалось. Или двигался я.

Я попробовал опереться на руки и сесть, но локти подкопились, и я снова ткнулся лицом в мокрое дерево. Взгляд упал на мои ладони, вцепившиеся в доски.

Чужие руки.

Я замер, уставившись на них и забыв про грохот вокруг. Худые, почти костлявые кисти. Бледная кожа в саже и чем-то буром. Короткие обломанные ногти, россыпь белесых шрамов на костяшках. Руки мужика, который десять лет тягал железо и махал кувалдой, это широкие лопаты в мозолях толщиной с подошву. А эти принадлежали в лучшем случае пятнадцатилетнему пацану, которого вечно недокармливали. Обмен, прямо скажем, вышел неравноценный: своими руками я гнул арматуру и открывал бутылки обо что попало, а этими страшно было взяться за перила.

— Какого... — прохрипел я, но из горла вышел лишь жалкий надломленный сип, а легкие обожгло разреженным воздухом.

Новый раскат грохота заставил меня дернуться и перекачаться на спину.

Я лежал на палубе. Огромной деревянной палубе, каких я

никогда не видел: доски в железных скобах, мачты толщиной в два обхвата, целая паутина тросов и блоков. И все это парило в пустоте. Я приподнял голову. Сквозь широкий пролом в высоком борту, где-то далеко внизу, виднелись зеленые пятна лесов и серые, растрескавшиеся проплешины скал. Корабль летел, скользил по воздуху, чуть покачиваясь, будто на волнах.

Но смотрел я не на это.

Прямо по курсу, над носом, в воздухе зияла рваная дыра, пульсирующая ядовито-фиолетовым. Будто кто-то огромный вспорол небо когтем и вывернул наизнанку.

Из дыры лезла Тварь.

Клубящиеся тени, изломанные многосуставчатые конечности, когти, похожие на полированные мачете. Плоская фасеточная морда, вывернутый череп гигантского насекомого, была усеяна десятком немигающих глаз, налитых багровым. Щупальца в жестких хитиновых пластинах хлестали по палубе, вспарывая дерево. Одно обвило грот-мачту и смяло стальную окантовку, как фольгу. Существо все время перетекало из формы в форму, но массу держало страшную, плотную.

На палубе шел бой. Десятки людей в жестких кожаных куртках с клепками и закопченных рубахах метались вокруг, не обращая на меня внимания. И работали они с такими механизмами, что у меня медленно отвисла челюсть.

Вдоль бортов на поворотных станинах стояли пушки,

только не такие, к каким я привык. Тяжелые, из латуни и черного металла, они питались от толстых армированных шлангов, уходивших куда-то под палубу.

— Кхар-дараг! Маг-харра! — заорал кто-то хриплым срывающимся басом на чужом гортанном языке, которого я в жизни не слышал. Но интонацию узнал бы любой: приказ. — Борей! Аш-шерун!

С шипением сжатого газа установка дернулась и выплюнула стальной гарпун толщиной с мою ногу. Трос, привязанный к хвостовику, со свистом размотался с огромного барабана.

Гарпун с влажным хрустом вошел в бесформенное хитиновое плечо Твари. Монстр взревел так, что у меня перед глазами поплыли черные круги, рванулся назад, к своей дыре. Трос натянулся струной и сбил с ног зазевавшегося матроса. Палуба затряслась, закрипела от чудовищного напряжения. Барабан лебедки натужно завыл, удерживая эту тушу.

Натянутый трос гудел в нескольких шагах от меня. Цеховая привычка сработала раньше мыслей: под натянутым тросом не стоят и не лежат. Я попробовал отползти от его линии, но ладони разъехались в слизи, и я только развернулся на месте, ткнувшись плечом в доски.

Я лежал в луже липкой слизи, вцепившись в доски тонкими пальцами, и не мог шевельнуться. В голове не сходилась ничего. Дыры в пространстве. Летучие корабли. Пневматические пушки. Мозг перебирал объяснения одно неле-

пее другого: паленый спирт после смены, кома, предсмертный бред.

Вот только заноза в ладони и судорога в сведенных икрах были до отвращения настоящими.

На возвышение у кормы, над самым штурвалом, поднялся высокий человек в длинном черном пальто, которое трепал ветер. Вокруг метались люди, а он стоял спокойно, с пустыми руками, и смотрел на бьющуюся Тварь с холодным любопытством.

Тварь навалилась на натянутый гарпунный трос, заноса лапу над людьми у пушки. Человек у штурвала развернулся к ней и неспешно, почти лениво вытянул вперед правую руку. Между его раскрытой ладонью и Тварью оставался узкий просвет; дальше, за хитиновой тушей, стояла фок-мачта.

Я ждал выстрела, хотя никакого оружия в его руке не было. Воздух у его ладони поплыл рябью, такой, какая дрожит над раскаленным асфальтом в июльский полдень. Давление на палубе упало так резко, что мне заложило уши.

Что-то невидимое ударило вперед, коротко и страшно. Тварь смяло, как брошенный бумажный ком, и с воем швырнуло на фок-мачту. Удар был такой силы, что толстенный, окованный сталью ствол глухо треснул и пошел вдоль трещиной.

Человек у штурвала тяжело осел, вцепившись в поручень. Из носа у него потекла кровь, руки в черных перчатках мелко задрожали. Чем бы он ни бил, платил за это собой, будто

принял всю отдачу на живое тело, без всякой машины, которая приняла бы удар вместо него.

«Какая пневматика, — ошалело думал я, — какие ресиверы? Он это голыми руками. С такой отдачей его самого должно было сложить пополам».

Монстр завизжал, извиваясь на гарпунной привязи. Его изломанная шипастая лапа в последней попытке дотянуться до обидчиков метнулась вперед, прошивая воздух и удлиняясь вопреки всякой анатомии.

Голову прострелило чужим воспоминанием, ледяным, не моим, но сидящим в этой голове так же прочно, как клеймо в железе.

Та же теневая лапа ударила точно в грудь. Я увидел ее вблизи, с высоты мальчишечьего роста. В этом обрывке я еще стоял на ногах. Когти из тени прошли сквозь ребра. Холод обжег изнутри; вместе с воздухом из меня будто вытягивали что-то самое важное. Сердцевину. Искру. В голове прозвучало чужое, захлебнувшееся от ужаса: «Це-фир...»

Мальчишка стоял на этом самом месте и смотрел на надвигающуюся лапу. Я чувствовал его животный страх, бессильное желание отшатнуться. Потом ощущение чужого присутствия оборвалось. Остались холод и звенящая пустота. Так он погиб? Я знал только то, что успел пережить вместе с ним в этом коротком обрывке.

А следом очнулся я, выбитый из своего мира смертельным разрядом. Может, попал сюда в ту секунду, когда мальчишка

исчез? Его грудь еще двигалась, сердце билось, но хозяина в этом теле уже не было; руки теперь слушались меня. От этой догадки стало дурно. Как такое могло случиться, я понять не мог.

Треск ломающегося дерева выдернул меня из чужой памяти.

Надломленная мачта, потерявшая половину тросов, крепилась под бешеными рывками монстра на гарпунном лине. Канаты такелажа лопались один за другим, свободные концы с пушечным треском хлестали по палубе, выбивая щепу. Огромная деревянная колонна, опутанная оборванными снастями и тяжелыми блоками, пошла вниз. И набирала скорость.

Прямо на меня.

На панику и крик времени не было. За годы в цеху я насмотрелся и на сорванные грузы, и на ковши с металлом, проходившие над самым мостиком. Я уже видел, куда упадет эта махина.

Руки юнги дрожали от слабости, но я привычно уперся пяткой в настил: так делал годами, работая на высоте.

«Уходи, идиот! Точка опоры и рывок!» — скомандовал я себе.

Я оттолкнулся ногами, и почти ничего не вышло. Мышцы отозвались вяло, будто чужие. Тело было не то: я привык к своим девяноста килограммам и к силе, которая всегда под рукой, а тут едва набиралось полсотни — кости да жилы.

Вместо прыжка я нелепо запнулся о собственную ногу, завалился плечом на доски и только чудом свернул падение в кривой перекат. Красоты в этом было примерно как в падающем с телеги шкафе.

Удар сотряс палубу в полуметре от моей головы. Стальной крюк грузового блока, весом килограммов в двести, с хрустом проломил толстые дубовые доски ровно там, где я лежал секунду назад. Во все стороны брызнули щепки размером с хороший нож.

Я лежал на боку, хватая ртом воздух, и круглыми глазами смотрел на эту железную махину. К массивному ушку крюка крепился очень толстый, плотно сплетенный стальной трос, уходивший в хитрую систему блоков.

«Хороший трос, — отметил кто-то спокойный и до отворачивания деловитый у меня в голове, пока сам я не мог отдышаться. — Плетение чудное, а сработано на совесть. На вид тонн двадцать выдержит — если сталь такая, как наша». Мозг цеплялся за привычное, как за поручень, лишь бы не смотреть на все остальное.

Потом взгляд зацепился за обойму блока, через которую шел трос. В темном, смазанном металле были глубоко вытравлены узоры: ломаные линии, сходящиеся под неправильными углами. И они светились. Мягко, голубовато, и ярче в тот миг, когда трос натягивался.

«Это что, — я нервно хмыкнул, чувствуя, как дергается щека, — фосфорная краска? Чтоб в темноте башкой об таль

не приложиться? Или они тут радиацией балуются?»

Светящаяся краска на силовом узле. Дичь. Бред.

Тварь за бортом захлебнулась булькающим хрипом: гарпунщики всадили в нее второй снаряд. Снова хлестко треснуло перенапряженное дерево.

Я инстинктивно повернул голову на звук. Острая, как копьё, щепка, отлетевшая от расколотой пополам мачты, неслась прямо мне в лицо.

«Хорошо, что я всегда в каске», — успел подумать я и тут же вспомнил, что на этой тощей чумазой голове нет никакой каски.

Тяжелый обломок с глухим влажным стуком врезался мне куда-то в висок.

Мир снова вспыхнул белым и погас. Осталась только горечь железа на разбитых губах да глубокая, спасительная темнота.

Глава 2

Сознание вернулось не сразу. Сначала запах: спирт, пот, смолистая горечь. Он стоял в воздухе так густо, хоть ножом его соскребай. Где-то рядом тяжело, с хрипом, дышал человек.

Подо мной покачивалась койка, вниз, потом вверх, медленно. Так качается корпус на волне, только волна здесь ходила где-то под небом. Корабль. Я вспомнил обрывками: палуба, тварь из фиолетовой щели, гарпун. Капитан, от которого прогибался воздух. Падающая мачта, крюк, щепка. От одного этого голову прострелило болью.

Тело дернулось само собой, и тут же выяснилось, что я привязан к лежаку ремнями, на боку. Рот пересох до наждачной бумаги, в виске стучал гвоздь. Правая половина лица будто и не моя. Вместо щеки примотали мешок с песком. Глаза открылись только с третьей попытки.

Над головой был потолок из досок, стянутых железом. Вдоль балки тянулись стеклянные трубки, и в них лениво перекачивалась голубая жидкость, пульсируя в такт качке. Крепления трубок я видел хорошо: голые скобы, совсем простые после заводских кабелей, изоляторов и кривых скруток. Сквозь стекло ровно светилась сама жидкость. По стене шли выбитые знаки, мелко дрожавшие от тепла.

Я по привычке зацепился за загадку. Что это, колба с ка-

ким-то светящимся составом? Стекло, жидкость, синее свечение... А где насос, где вентиль, чтобы вся эта красота однажды не рванула кому-нибудь в лицо? Мысль оборвалась на очередном крене. Я попробовал сглотнуть и застонал: ребра отозвались болью, в животе было пусто и звонко, руки тряслись, как после двойной смены.

Слева лязгнуло железо. Я обвел взглядом длинное помещение. Вдоль стен тянулись узкие койки с людьми, по полу гуляла вода. У дальней стены стоял высокий стол с желобом по краю; желоб уходил в железное ведро, где плескалась какая-то дымящаяся жижа. Наклон столешницы, слив, тара под отработку. Глаз сам, по цеховой привычке, разложил все по местам. Привычный порядок рабочего места. Только потом я разглядел, что делают люди у стола.

На столе лежал мужик в разрезанной куртке. Двое держали его изо всех сил: тощий парень в фартуке и палубный здоровяк. На груди у раненого темнел глубокий разрез; по краям блестела кровь. На заводе я всякое повидал: оторванные пальцы, ожоги, переломы. Но там пострадавшего накрывали брезентом и ждали скорую. А тут человека штопали прямо на столе, живого, хрипящего и, кажется, пытающегося ругаться.

— Хра... та-лим... аурра... ша!

Женский голос, сухой, усталый. Она говорила коротко и твердо, отдавая команду. Тощий санитар метнулся к шкафу, где висела до неприличия чистая белая тряпка, и выхватил

склянку с янтарной массой. Женщина наклонилась над столом и попала мне в поле зрения: светлая косынка, тени под глазами, закатанные рукава, заляпанный фартук. Только ладони чистые, как у того, кто знает им цену.

Санитар выбил пробку, и запах смолы перебил лазаретную вонь. Тягучая масса потянулась за ложкой. Женщина плеснула ее в рану. Раздалось резкое шипение. Раненый выгнулся, помощники навалились сверху, крик застрял в зажатом зубами ремне. А смола тем временем поползла по краям разреза, и края начали сходиться.

У меня аж дыхание перехватило, от чистого профессионального восторга. Это же герметик! Настоящий, только вместо фланца им латали живую плоть, а схватывался он прямо от крови. Такой бы состав испытать на трещине в котле — узнать, держит ли он давление. Мужик на столе снова дернулся, напоминая, что заплатку положили все-таки не на чугун.

Женщина положила ладонь раненому на лоб и заговорила тише. Тон я узнал сразу: так уговаривают того, кто вот-вот сорвется.

— Ау... ра... — прохрипел кто-то с соседней койки.

И следом, тише, другое слово, тем голосом, каким в цеху поминают технику безопасности уже после аварии:

— Це-фир...

«Цефир» я уже слышал в том обрывке чужого страха. Значения обоих слов по-прежнему не понимал, но в лазарете

стало заметно тише. Женщина кивнула санитару, тот метнулся к жаровне. Внутри грелись железные стержни: одни отдавали вишневым жаром, другие светились по кромке синевой, будто сталь нагрели до цвета, которого в таблице побежалости и не бывает.

Санитар подхватил стержень щипцами, и я сразу заметил пятнистое свечение. За неравномерный прогрев обычного инструмента на заводе били по рукам. Наконечник светился странно: край слепит, середина темная, возле рукояти снова светло. Если это обычный жар, как тут прижигать? С одной стороны ожог, с другой края останутся открытыми. Я попытался разглядеть, как женщина повернет стержень: может, к коже его прикладывают только одной кромкой?

Горло напряглось для крика, но выдало звук дохлой гармошки. Я дернул рукой, койка скрипнула. Женщина у стола обернулась, оценила натянутые ремни, взгляд, зрачки. Задержала взгляд на моем лице, кивнула и повернулась обратно к раненому.

— Ти-иш! — бросила она.

Санитар покорно обернулся.

— Тиш, — повторила она уже тише и кивнула на мою койку.

Вот и имя. Или ругательство. Поди разбери. Тиш подскочил ко мне с кожаной полосой. Пальцы с трудом сложились в жест, каким у станка показывают ученику перекося детали. Цвет! Неровно! Нельзя прижигать!

— Не... рав... но... — выдавил я по-русски.

Толку ноль. Тиш посмотрел на меня, как на идиота, который вздумал обсуждать качество сварки посреди пожара, и деловито сунул мне ремешок между зубов. Мол, советы с пола тут не принимаются.

Стержень лег на край раны. Запах паленого мяса накрыл комнату. Раненый выгнулся дугой, ремни затрещали. На стене судорожно качнулся свет: жидкость в трубках вспыхнула ярче. Пол ушел вниз. За стеной глухо ударил колокол.

В лазарет ввалились еще двое. Один нес парня с повязкой на шее, второй волок мешок. Женщина молча ткнула в свободную койку, велела открыть шкаф и отогнала палубника от стола.

Расклад читался легко. Старший у стола, санитар на подаче. Чистая вода отдельно, отработка отдельно. Снаружи пусть орут хоть до хрипоты, а командует тот, кто отвечает за результат. Все как в цеху. Только браком здесь была чья-то остановившаяся грудь.

Прижигание кончилось. Смола схватилась коркой, сверху легла ткань. Тиш подал кривую иглу с ушком. Нитка, спирт и быстрые, точные движения. За работой ее рук я следил, затаив дыхание.

Остывающий стержень полетел в жаровню. Женщина повернулась к моей койке. Тиш ловко выдернул кляп, и в рот ворвался вкус соли. Хотелось сплюнуть, да слюны не нашлось. И тут на край койки опустилась чаша. Вода!

Я рванулся вперед, но ремни впечатали плечи обратно. Женщина нахмурилась, как мастер на практиканта, который тянет руку к горячему подшипнику. Смочила тряпку и прижала к моим губам. Одна капля, а вкуснее любого кофе после ночной аварии. Хотелось еще, но тряпка исчезла.

— Эй, я только успел смочить губы. Ещё хоть каплю? — сипло возмутился я.

Женщина осадила меня одной рубленой фразой. Смысл читался без перевода: лежи тихо, дурень. Она дождалась, пока я перестану давиться, и снова смочила мне губы. В пальцах у нее блеснули ножницы. А человек с ножницами у твоей шеи автоматически получает право вести разговор без лишних возражений.

Ее пальцы ловко размотали повязку на голове, и череп прострелило болью. Она прощупала висок, челюсть, раздвинула веки, посветила в зрачки фонариком. Только внутри у него вместо лампочки пульсировала густая капля синего света, а стоило повернуть кольцо на ручке, свет вытягивался в луч. Была бы батарейка, я бы ее сразу углядел. Но тут работали стекло, кольцо да мелкая гравировка.

Я машинально прищурился, разглядывая эту штуку. Женщина заметила. Она приподняла бровь и перевела взгляд с моих глаз на фонарик. Отвела его в сторону; я попытался повернуть голову следом. У нее дрогнул уголок рта — должно быть, мое любопытство выглядело диковато. Ну не моя вина, что приборы здесь собирают хитрее, чем на родном комби-

нате.

Она щелкнула пальцами у меня перед носом.

— Кир, — выдавило пересохшее горло.

Имя вырвалось само, коротко и твердо, как удар молотком по керну. Чужое прозвище, что скреблось где-то на дне памяти, так и осталось лежать под слоем боли. Женщина замерла.

— За... кир? — медленно повторила она.

По спине прошел ледяной сквозняк. Старое имя этого тела всплыло, как бирка на чужой вещи. Тот самый худой мальчишка, в чьем теле я теперь лежал и дышал. Тот, чей ужас я только что пережил и кого, как я теперь боялся, уже не было.

Глотать было больно.

— Кир, — упрямо повторил я.

Женщина глянула на санитаря, но Тиш только пожал плечами и кивнул на мою повязку. Наверное, принял имя за бред после удара. Она перевела взгляд ниже и тронула мне грудь. Там, под лохмотьями рубахи, кожа горела вымораживающим холодом. Женщина решительно отодвинула ткань.

Голову поднять не вышло, но край темного пятна под ключицей я разглядел. С обычным синяком такое спутал бы только кабинетный человек. Кожу будто прижгли куском морозного железа: от середины расходились черные линии, точь-в-точь трещины на перенапряженном стекле. Удар твари. Когти прошли сквозь грудь, и от одного воспоминания я снова вдохнул мелко, чувствуя мороз под ребрами.

Женщина тихо втянула воздух сквозь зубы.

— Цефир, — выдохнула она.

Тиш побледнел и коснулся пальцами лба и груди. На крест не похоже: сперва к губам, потом к пустому месту перед собой, будто отпускал что-то раствориться в воздухе. От их лиц мне стало страшнее. Похоже, они узнавали след чего-то смертельно опасного и удивлялись, что я еще дышу.

Прекрасно. Вчера убило током, сегодня записали в ведомость загробного отдела. Насыщенная командировка. Вот только путевку выдали без спецодежды.

Женщина взяла чистую салфетку и отодвинула Тиша локтем, освобождая себе место у койки. Обвела пятно пальцами, нажала под ключицей. Снаружи боль была терпимой, но внутренний мороз отзывался так мерзко, что меня выгнуло дугой.

— Живой, — прохрипел я по-русски, сам не зная, кого убеждаю. — Пока живой.

Слов она не поняла, но интонацию уловила. А потом дошла очередь до смолы. Хорошо хоть не в живот: только висок, щека и плечо. Рану промыли чем-то таким ядреным, что технический спирт рядом сошел бы за детский компот. Зубы с хрустом впились в подсунутый ремень.

Смола плотно прилипла к коже. Зашипела; края пореза стянуло так сильно, что я впился ногтями в простыню, чувствуя каждую царапину под горячей пленкой. Боль пошла тошнотворной волной, но в ней чувствовалась правильная,

честная работа. Реакция шла, кожа закрывалась. Чтобы не заорать, я привычно включил счет.

Раз. Тягучая, а под собственным весом все же течет. Два. От крови схватывается быстрее. Три. После застывания горечь уходит, тянет дымом. Четыре. Слишком толстая пленка, пожалуй, лопнет на первом движении. Пять. Тот, кто придумал этот похожий на двухкомпонентный состав, был либо гений, либо человек, которому позарез не хватало нормального врача. На шестом счете боль отпустила. На седьмом я сообразил, что женщина пристально за мной наблюдает.

Она следила за моим дыханием и тем, с каким остервенением я грызу ремень. Я лежал привязанный к койке, мокрый от пота, и медленно разжимал зубы. Счет помог: я уже мог различать движения ее пальцев, пока боль понемногу стихала. Тиш заглянул мне в лицо, осторожно забрал ремень и кивнул. Захотелось принять этот кивок за одобрение. Хотелось сказать ему, что на Земле за тубик такой смолы слесари передрались бы ключами до первой крови. Но язык лежал во рту мертвым грузом.

Дверь распахнулась, впустив человека в строгое темное кафтане. Чистые манжеты, чернильное пятно на пальце. Вид у него был такой, будто его занесло сюда прямоком из чистой части корабля, где полы не липнут к подошвам. С порога он начал выговаривать женщине: говорил тихо и ровно, но чего-то требовал и указывал пальцем в сторону раненых.

Она ответила тихо: положила ладонь на край стола и обронила пару веских слов. Я старался понять спор по их рукам и взглядам.

Чернильный показал на ходячего раненого, потом вверх, к палубе. Требовал вернуть его на работу? Женщина подвела его руку к окровавленной повязке, сама встала перед койкой и покачала головой. А потом демонстративно сняла со шкафа белую полоску, и чернильный подавился словами. Тряпка работала как печать! На заводе бумага с подписью начальника могла остановить отгрузку и отменить любой здравый смысл. Здесь ту же власть имела чистая ткань в руке медика. Дико, а все же по-своему правильно.

Чернильный кивнул и ушел. Выдохнуть она позволила себе только после того, как за ним закрылась дверь. Налила воды. Но не мне. Сначала парню с перевязанной шеей. Потом мужику со стола. Потом старику у стены. До меня очередь дошла последней. Я уже успел решить, что воду разливают по чину, а мой чин исчерпывается определением «странно выживший огрызок юнги». Потом она сама придержала мне подбородок и дождалась, пока я проглочу. Может, очередь зависела от ран. Капли я считал жадно.

Тиш приподнял мне голову, и на миг в щель между его плечом и обшивкой я увидел окно. За мутным стеклом плыло небо. Синее, настоящее. По нему тянулись облака, а внизу проплыл край острова, висящего в пустоте. Всего секунда. Потом Тиш заслонил иллюминатор.

Этой секунды хватило. Что-то внутри со щелчком встало на место. Подо мной и правда летел корабль. Вокруг гудели котлы, пульсировали жилы света, ходили люди с ключами и своими нормами выработки. Мир был чужой, но работал по законам механики, а значит, в нем можно разобраться. Пусть не сегодня. Но сама мысль, что тут есть понятный порядок, держала меня крепче любой молитвы.

У дальней стены зашипела смола. Тиш убрал чашу и принялся вытирать пол. Вода и кровь стекали в желоб столешницы, оттуда в ведро. Взгляд сам зацепился за слив. Уходил он не просто в тару: под столом пряталась решетка с запорным язычком, и, когда ведро переполнялось, Тиш отводил язычок ногой, спуская излишки в трубу под полом. Труба была с медным кольцом и все теми же выбитыми знаками.

Я присмотрелся: слив с клапаном? Если кровь и смола идут по одной трубе, отложения быстро сузят проход. Может, трубу греют или промывают чем-то едким? Отсюда и кислая химическая горечь в воздухе? Хотелось увидеть, что Тиш льет в ведро перед промывкой. Пока я различал только медное кольцо и его ногу на язычке.

Я поймал взгляд Тиша, скосил глаза на трубу и, насколько позволял ремень, сложил пальцы кольцом: что там внутри? Тиш проследил за моим взглядом, нахмурился и задвинул ведро ногой поглубже под стол. Потом ткнул пальцем в меня, в койку и в потолок. Перевода не требовалось: лежи и смотри вверх.

Стоп. Лежу с расколотой головой, среди помирающих матросов, и вместо паники самозабвенно изучаю устройство лазаретной канализации. Хотя узел, надо признать, сделан с умом. А у любого мастера есть законное право на маленькие радости, особенно в день, когда тебя убил ток.

Женщина вернулась с чистой повязкой, проверила пульс, перевернула мою ладонь. Пальцы у этого тела были худые, но не совсем никчемные: на подушечках выросла грубая кожа от канатов. До прежних моих рук им, конечно, было как детскому напильнику до прокатного стана. Но какая-то память в них жила: когда Тиш уронил металлический зажим, кисть сама дернулась поймать. Не поймала. Зато дернулась хлестко.

Женщина это заметила. Усмехнулась, бросила что-то Тишу, тот фыркнул. Перевод напрашивался сам: раз пациент ловит железки, значит, помирать передумал. Диагноз практический. Я попробовал улыбнуться в ответ, но щеку прострелило болью, и я тут же скривился. Получилось, должно быть, очень благодарное лицо.

Следующий час рассыпался на лихорадочные куски. Внесли кого-то без сознания, с замотанной рукой. Женщина жестко промывала рану, покрикивая на палубника, который лез со своими переживаниями. Тиш подавал смолу. Потом кто-то в бреду начал повторять чужие имена. Она подошла, влила в горло отвар. Снова холодная рука на горячем лбу, успокоительное, проверка дыхания. Молитву она произнес-

ла уже потом, закончив с повязкой и отваром.

Над головой гудели стеклянные трубки. Иногда свет слабел. Где-то в брюхе корабля поднимался ровный гул, свет наливался синим, потолочные стяжки потрескивали. Ухо само цеплялось за эти вибрации. Гудело не от одного двигателя, а от нескольких узлов, и работали они вразнобой: один тон, второй, а третий вступал на крене. Стоило судну завалиться на бок, по доскам пробегала дрожь. Где-то перекидывали питание.

Называть этот корабль корытом было бы преступлением. В памяти всплыла палуба, мачты с толстенными тросами. Старый, латаный-перелатаный летучий завод. Дай мне сейчас лист картона, рука сама принялась бы чертить кинематическую схему. Помер бы над чертежом, но с чувством глубокого профессионального удовлетворения.

Бумаги, ясное дело, не дали. Дали глоток воды и горькую каплю на язык. Химическая дрянь ударила в нос, тело сразу обмякло, боль отступила на полшага. Женщина проверила ремни, один ослабила. Кисть смогла повернуться, и эта малость показалась настоящей роскошью.

— Спасибо, — выдохнул я.

Интонацию она уловила.

Женщина опустилась на табурет и потерла переносицу. Только теперь я разглядел, как она устала за этой бесконечной работой. Она сидела сгорбившись, опустив плечи. У нее самой подрагивали пальцы. У Тиша под глазами залегли те-

ни. Ткани в шкафу осталось мало, ведро с отработкой так никто и не вынес. За дверью гроыхали сапоги, корабль качало на ветру, а с палубы все время требовали прислать кого-нибудь на помощь.

Женщина поднялась к раненому, у которого снова промокла повязка. Тиш подал ткань, придвинул воду. Смолу они отмеряли по ложке; хватит ли ее на следующего, я уже начинал тревожиться. Но свою порцию получил даже я, едва способный поднять голову. От их понятных, последовательных действий становилось спокойнее. Закончив перевязку, женщина вернулась на табурет и на миг закрыла глаза. Я лежал рядом и пытался разобраться в незнакомом порядке.

Женщина открыла глаза и поймала мой взгляд. Притвориться спящим не вышло. Она произнесла четко:

— А-га-та.

Палец лег ей на грудь. Потом она коснулась моей ключицы.

— Кир.

Я сумел слабо кивнуть, хотя комната поехала вбок. Имя удержалось, маленькая, но крепкая опора, за которую пока можно было держаться.

— Агата, — повторил я.

Женщина довольно кивнула. Проходивший мимо Тиш бросил что-то насмешливое. Агата, не глядя, запустила в него тряпкой. Тряпка шлепнула парня по плечу, он фыркнул и пошел дальше.

Вот оно. Живые люди. Усталый санитар, которому прилетает тряпкой за болтовню. Врач, что держится на одном рабочем упрямстве. Дефицитная вода, промышленная смола. И мир от этого стал чуточку менее сумасшедшим.

За стеной ударил колокол. Агата подошла к двери, сняла с внутреннего крючка белую полоску и повесила ее снаружи. На секунду в щель ворвался ветер: запах каната, дым, соль. Небо. Высоту я почувствовал кожей. Потом дверь захлопнулась. За переборкой шумел ветер; от его порывов деревянно-стальная машина вздрагивала и меняла крен.

Сон накатывал тяжелой волной. Чтобы удержаться, я стал перебирать в уме, что успел понять. Корабль летит. Лазарет на жилой палубе. Яркость света зависит от нижнего гула. Смола схватывается от крови. Из нее выйдет отличный герметик, если она не жрет металл. Здешнее клеймо светится пятнами. Если тепло уходит в рукоять, пригодился бы переходник с тепловым разрывом. Только сначала надо увидеть стержень вблизи и понять, что за синее свечение по кромке. Знакомая ошибка: разглядел краешек чужого инструмента и уже готов переделывать за мастером. На своем заводе я бы такого советчика сперва к верстаку позвал.

Губы слабо дернулись в ухмылке. Щека тут же отозвалась болью. Ладно, улыбаться будем в следующую смену. Рядом Агата вполголоса считала с Тишем остатки: вода, ткань, смола. Она касалась по очереди чаши, ткани, склянки. Говорила тихо, устало. Я не понимал ни слова, но слышал повтор и

пробовал сопоставить звуки с предметами. За этот рабочий ритм сознание и уцепилось, как рука за страховочный поручень.

Перед самым провалом в химический сон жидкость в трубке вспыхнула ровнее. Свет лег на белую тряпку у двери, на руки Тиша, на профиль Агаты. Лицо человека, который брал нужный инструмент, смотрел на рану и помогал. Такому мастеру и вахту доверить не страшно. И плевать, что инспекция по охране труда за один вид их жаровни прикрыла бы весь этот летучий завод к чертовой матери. На этой здоровой мысли меня и выключило.

Глава 3

Утро на летучем корабле началось с того, что мне в рот сунули кусок строительного материала.

Проснулся я от скрипа дерева и голубого света под веками, живой, кажется, только из чистого упрямства местной медицины. Лазарет за ночь притих, но спокойнее от этого не стал. Ночная горячка схлынула и оставила после себя тяжелый дух крови, спирта, смолы и мокрых тряпок. Так густо пахнет в раздевалке после аварийной смены, когда чай уже разлили, а люди только начинают считать, кто еще стоит на ногах.

Корабль шел ровно. По здешним меркам. То есть койка подо мной мягко проваливалась и снова всплывала, трубки с синей жидкостью гудели в полтона, а где-то глубже в корпусе тянулся низкий дрожащий звук. Он то нарастал, то пропадал, будто в брюхе корабля что-то большое и тяжелое никак не могло раскататься до ровного хода.

Ремни с меня сняли еще ночью. Один остался свободной петлей на груди, скорее для порядка, чем для дела. Правая щека ныла, виски стучали, под ребрами сидела тупая боль. Зато рука двигалась. Пальцы слушались, хоть и дрожали. Я сжал их в кулак, разжал, провел большим пальцем по подушечкам. Чужая кожа. Чужие старые мозоли. Свежая ссадина на предплечье, видно, от палубы, когда я уходил из-под

крюка. Сил оставалось мало, зато я уже чувствовал, как напрягается кисть и насколько крепко могу сжать пальцы.

У койки появилась Агата. Теперь я знал, как ее зовут, и держался за это имя, как за поручень. Невысокая, плотная, волосы под светлой косынкой, темные круги усталости под глазами. Фартук сегодня был почище, но чистота выглядела временной, как вымытый пол перед следующей тележкой с окалиной.

Она наклонилась, коснулась пальцами моего века, проверила зрачок, потом без предупреждения нажала куда-то под ребро. Из меня вырвался выдох, будто там провернули гвоздь.

Агата довольно кивнула. По ее лицу было видно, что такой звук она считает хорошим признаком. Пациент уже сердито смотрит на врача. Видимо, до осмотра был повод ждать от меня меньшего.

— Кир.

Ее палец ткнул меня в грудь.

— Кир, — согласился я.

Получилось хрипло, но уже не как у дырявого меха. Прогресс. На заводе за такой прогресс мне выдали бы три новые заявки и напомнили, что раз дышишь, значит, отдыхаешь слишком долго.

Агата поднесла к моему лицу маленькую деревянную кружку. К воде я потянулся слишком жадно. Она тут же убрала кружку выше. Взгляд у нее стал такой, что спорить

расхотелось даже без общего языка. Ладно. Я перестал тянуться, сглотнул и выдохнул. Только тогда она снова поднесла кружку.

Мне дали три глотка. Каждый прошел по горлу чистым холодом и горьким травяным хвостом. Потом Агата сунула мне в руку плоскую серую лепешку. Первый укус едва не отозвался в виске: челюсть встретила сопротивление. Лепешка поддалась с таким усилием, что я испугался за зубы. Во рту она рассыпалась сухой пылью с привкусом муки и соли; крупные крошки пришлось долго размачивать. Выдай нам такой материал в цеху на прокладки, я бы попросил сертификат. Очень возможно, эта дрянь держала бы давление лучше паронита.

Я был так голоден, что доедать все равно собирался до последней крошки. Приходилось жевать медленно, пережидая боль в челюсти. Агата наблюдала. Следила за глотком, переводила взгляд на живот, на руку с лепешкой, на дрожащие пальцы. Я старался проглотить спокойно: очень хотелось, чтобы после этого осмотра она разрешила добавку.

Рядом Тиш мыл стол. Имя санитара я тоже запомнил. Худой, узкоплечий, с заляпанным фартуком и глазами человека, который за ночь видел слишком много ран и слишком мало сна. Он скреб столешницу солью и чем-то серым, похожим на золу, потом плескал горячей водой, сгонял мутную жижу в желоб, проверял ведро и снова скреб. Движения быстрые, привычные, без театральной брезгливости. Так

он готовил стол к следующему раненому, вычищая каждую щель.

Сам лазарет я понемногу собирал по кускам. Чистая вода стояла в узкой чаше на верхней полке; грязная уходила в ведро и в трубу под полом. Белая ткань лежала отдельно, под сухой дощечкой. Смола пряталась в закрытом шкафу, куда Тиш лазил только после короткого кивка Агаты. А у двери висела все та же белая полоска, и рядом с ней знак из перьев и тонкой нитки. Знак напоминал мне отметку о допуске. Пока тряпка на двери, здесь командует лазарет. У нас такую власть имела табличка «не включать, работают люди»; тут ее заменяла чистая тряпка в руке медика. Смешно, а работало.

За стеной скрипнули сапоги. По коридору кто-то прошел тяжелым шагом, следом другой, легче. Голоса через доски звучали неразборчиво. Ловились не слова, а повтор. Один и тот же резкий выкрик заставлял Тиша поднимать голову. Другой, подлиннее, заставлял Агату морщиться и коситься на дверь. Третье, короткое, люди говорили перед тем, как подвинуться.

Языка я еще не понимал, зато тело иногда дергалось раньше мысли. Стоило за дверью прозвучать одному хриплому окрику, пальцы сами сжались вокруг лепешки. Рефлекс был чужой. Мальчишеский. В нем сидели ожидание подзатыльника, привычка держаться у края прохода, знание, что отвечать надо сразу, пока приказ еще звучит. На свою худую кисть я посмотрел уже внимательнее.

— Ну и что ты помнишь, малой? — прошептал я по-русски.

Пальцы, естественно, не ответили. Только крошка лепешки застряла под ногтем.

Агата услышала голос, нахмурилась, подошла, забрала у меня остаток лепешки, покрутила перед глазами и вернула. Сказала что-то короткое. Судя по тону, доесть можно, а попытка подавиться будет расценена как личное хамство. Я кивнул. Осторожно. Мир качнулся и устоял. Голова уже не раскалывалась молнией, а стучала ровным тупым молотком. Терпимо. Для нового тела даже неплохо.

Через несколько минут дверь лазарета приоткрылась, и в щель сунулось лицо. Мальчишка, примерно ровесник этого тела. Большие темные глаза, острые скулы, слишком тонкая шея. На запястье намотан обрывок фитиля. В руках он держал небольшой сверток из грязной ткани, прижатый к груди так крепко, будто внутри лежало золото или чужая последняя пайка.

Тиш тут же шикнул на него. Мальчишка втянул голову в плечи и торопливо зашептал. Агата обернулась от шкафа, смерила его взглядом с ног до головы. Она подалась к двери — я решил, что сейчас выгонит гостя. Потом посмотрела на сверток. На меня. Снова на сверток.

— Се-ня.

Имя она произнесла с нажимом, предупреждая не то его, не то меня. Сенья. Запомнил.

Мальчишка проскользнул внутрь боком. Так двигаются люди, привыкшие вечно быть лишними на проходе. Ступни ставил тихо, локти прижимал, смотрел ниже лица, куда-то в грудь. Увидев мои открытые глаза, застыл. Я тоже смотрел, потому что в его лице вспыхнуло такое узнавание, от которого внутри стало холодно. Он видел прежнего хозяина тела. Закира. Мальчишку, который здесь уже жил, таскал ведра, получал окрики, ел у задней двери камбуза и, похоже, привык отводить взгляд первым. А теперь на него смотрел я, взрослый мужик из заводского цеха, оказавшийся в чужом худом теле.

Сеня сглотнул.

— За... кир? — выдохнул он.

Имя ударило неожиданно сильно. Я его знал. Оно держалось на самом краю чужой памяти, на обрывке холода, на том пустом месте в груди, куда я провалился. Но услышать его живым голосом оказалось хуже. До этой секунды Закир был фактом. Поврежденным телом. Пустой оболочкой. А теперь у него появился человек, который принес сверток и боялся разглядеть в его глазах что-то неправильное.

Я медленно коснулся пальцем груди.

— Кир.

Сеня моргнул.

— Закир, — повторил он упрямо и тут же осекся, глянув на Агату.

От Агаты прилетело что-то резкое. В ее голосе прозвучало

имя, которое я уже ловил. Кир. Потом еще слово, похоже на приказ отстать от меня или говорить тише. Сеня быстро закивал.

Он подошел к койке, положил сверток на край и развернул. Внутри лежала вся жизнь прежнего хозяина этого тела: помятая жестяная миска, темная от времени деревянная ложка, старая рубаха с портовой заплатой на плече да горсть мелочи. Обрывок веревки, щербатый гребень без половины зубьев, пустой, но аккуратно завязанный кожаный мешочек. Я разглядывал эти вещи и медлил: что взять первым, как показать Сене, что он принес их не зря?

У меня, взрослого, добрая половина этого барахла отправилась бы в мусор не глядя. А для мальчишки, который спит где придется и ест что останется, каждая мелочь была на счету: миской он занимал место в очереди у котла, ложкой не хлебал горстью, в пустой мешочек когда-нибудь можно было что-то спрятать. Небогато. Зато свое.

Я осторожно взял миску. Металл тонкий, дрянной, много раз правленный. На дне виднелась нарочно сделанная царапина, короткий знак вроде кривой буквы. Может, чтобы уберечь от кражи. Может, чтобы узнавать свою в куче таких же нищих мисок. Сеня следил за моей рукой. Я провел пальцем по царапине, стараясь запомнить знак. Здесь узнавали эту миску и ее хозяина; кто-то ждал его у котла, кто-то сберег для него вещи.

— Ты всё сберёг. Спасибо, Сеня.

Русские слова прозвучали тихо. По тону Сеня понял, что я благодарен. Угол его рта дернулся. Похоже на облегчение: товарищ смотрит странно, но все-таки смотрит живыми глазами.

Он быстро заговорил. Слова посыпались шепотом, гор-
танные, резкие, с проглоченными концами. Я ловил отдельные звуки. Закир. Агата. Тиш. Еще короткое слово, похожее на «вода». Или на «ведро». Потом имя, от которого кожа на спине сжалась.

Цефир.

В лазарете это слово уже звучало ночью. После него люди замолкали. Теперь Сеня выдохнул его совсем тихо, почти без голоса, и сделал маленький жест двумя пальцами у груди. Будто что-то вынули. Или закрыли пустую дыру.

Память тела откликнулась сама. Холод между ребрами. Запах мокрой доски. Страх, от которого ноги каменеют. Чужой страх. Мальчишеский. До обидного маленький.

Я сжал миску сильнее.

— Нет, Сеня. Я здесь, смотри. Дышу и говорю с тобой.

Русские слова повисли между нами пустым звуком.

Сеня дернулся, отрицание он понял скорее по интонации. И снова зашептал, на этот раз медленнее. Пальцем показал мне на грудь, потом куда-то вверх, потом опять сделал жест у ребер. Не коснулся ли тебя Цефир? Или коснулся? Или сколько от тебя осталось после него?

Ответа у меня не было. Объяснение застряло бы на пер-

вом слове. Даже стань язык вдруг понятным, попробуй расскажи мальчишке, что прежнего хозяина тела забрал здешний ветер смерти или что-то очень похожее, а на пустое место прилетел ремонтник с Земли, потому что на его заводе решили сэкономить на нормальной запчасти. Звучало бы хуже любого бреда после удара по голове.

Поэтому я сделал единственное, что мог. Постучал костяшкой по груди. Показал на миску. Потом на Сеню. И кивнул. Вышло криво, но смысл был простой. Живой. Вещи принял. Тебя слышу.

Сеня долго смотрел. Потом выдохнул и присел на край табуретки, которую явно не имел права занимать. Тиш тут же цыкнул. Сеня подскочил, как пружина. От Агаты, даже без взгляда, хватило одного короткого слова: Тиш замолчал, а Сеня сел обратно, теперь на самый край, готовый сорваться при первом движении старших.

Я вернулся к свертку. Под рубахой что-то тихо шелкнуло. Звук маленький, сухой, металлический, так перекачивается в ящике тонкая втулка. Пальцы сами раздвинули ткань. На дне свертка лежал цилиндр.

Небольшой, длиной с мой большой палец. Серый металл без блеска, будто его долго носили у тела. Снаружи почти гладкий, только на одном торце узкая щель, а вдоль бока тянулся тонкий шов, до того ровный, что я сперва принял его за царапину. Цилиндр казался простым ровно до того мига, пока я не поднес его ближе к свету.

В глубине щели мелькнула гравировка. Я наклонил цилиндр: тонкие линии шли по внутренней стенке, ровными рядами, как дорожки на детали после точного резца. Хорошая подача, строгий шаг, одинаковая глубина — такое я привык видеть у станка. Слишком ровные для украшения, слишком мелкие для грубой метки владельца. Я повертел цилиндр. Свет из потолочной трубки поймал край, и внутри на миг проступил целый круг крошечных насечек. Да чтоб вас. У нищего юнга в тряпке лежала вещь, сделанная точнее половины оборудования в нашем ремонтном участке.

Сеня увидел, что я нашел цилиндр, и побледнел. Резко потянулся к моей руке и прижал ее вниз. Похоже, боялся, что цилиндр заметят.

Цилиндр оказался у меня в кулаке раньше, чем я решил зачем. Сработала обычная рабочая осторожность: нашел в куче хлама точную деталь непонятного назначения, сперва придержи ее до осмотра. Материал, шов, возможная пружина, след напряжения. А уж потом отдавай тому, кто сумеет удержать.

Сеня замер. Мы смотрели друг на друга. Мои слова шли мимо него, его мимо меня. Зато оба прекрасно понимали одно: эту штуку лучше держать подальше от чужих глаз, и прямо сейчас. Почему? Хороший вопрос. Разумных причин прятать чужой цилиндр от женщины, которая только что удержала меня на этом свете, у меня не было. Но в груди под повязкой всплыло чужое, слабое, испуганное знание. Закир

прятал. От Фомы. От старших. Может, от всех.

Я осторожно сунул цилиндр под край рубахи, где ткань стягивал ремешок у пояса. Плохой тайник. Лучше не нашлось. Сеня облегченно выдохнул. Тиш обернулся на звук, и Сеня тут же схватил миску, сунул мне в руки и затараторил. Теперь шепот звучал почти сердито. Я поймал повтор. Фома. Еще слово. Потом жест вниз. Угол. Сон. Миска. Складывалось в простую схему.

Внизу есть человек по имени Фома. Он держит место, миску и, судя по лицу Сени, чужие ребра тоже. Отлично. Новый мир становился все больше похож на родной завод. Чем непонятнее оборудование, тем вернее где-то рядом сидит человек, который считает себя главным по ключам от бытовки. Фому я, кем бы он ни был, заочно недолюбил: цеховых держателей ключей от бытовки я и на Земле не жаловал.

Я попробовал спросить про цилиндр, показал глазами на пояс, потом развел пальцы.

Сеня замотал головой так резко, что фитиль на запястье дернулся. Приложил палец к губам. Ткнул вверх. Мимо Агаты. Мимо Тиша. Вообще мимо всех старших. Ладно. Тайна принята на временное хранение. Инструкции, чертежа и гарантии к ней не прилагалось. Как обычно.

Агата подошла ровно в этот момент. Я успел положить миску на живот и сделать вид, что всю жизнь только тем и занимался, что лежал с невинным лицом. Вышло, судя по всему, неубедительно. Агата посмотрела на меня, потом на

Сеню, потом на сверток. Прищурилась. Сеня сразу стал ниже ростом.

Она взяла из свертка рубаху, проверила швы, понюхала и поморщилась. Тиш получил короткое распоряжение, фыркнул, принес из угла чашу с водой и серую тряпку. Рубаху забрали. Миску оставили мне. Ложку тоже. Я проводил рубаху взглядом. Вещи тела уходили в лазаретный порядок. Часть вернется чистой. Часть, может, не вернется вовсе, если окажется слишком грязной для раненого. На корабле даже тряпка имела свой маршрут и свое начальство.

Агата снова повернулась ко мне. Подняла три пальца, потом показала на пол. Сперва я решил, что мне грозят выбросом с третьей палубы. Потом Тиш подхватил меня под локоть, и стало ясно. Я успел передать миску Сене.

Ходить.

— Ага, — выдохнул я по-русски. — Уже на обход посылают.

Смысла Агата не поймала, но по тону ей шутка, кажется, пришлась поперек. Она снова ткнула пальцем в пол. Пришлось подчиниться. Я крепко вцепился в край койки и начал приподниматься. Мир поплыл, потолочные трубки размазались голубыми полосами, к горлу подступила тошнота; я замер, боясь потерять только что съеденную лепешку. Тиш держал крепко и бережно. Сеня смотрел так, будто я вот-вот взлечу или рассыплюсь.

Ноги коснулись пола. Холодные доски, влажные. Под

ступнями мелкие царапины и песок. Тело оказалось вдвое легче прежнего, но слабость делала эту легкость обманом. Я встал и сразу понял: центр тяжести теперь чужой. Плечи уже, таз легче, колени слишком быстрые и слишком ненадежные. Я привычно выпрямился, перенес вес на пятки и едва не упал: ноги дрожали и разъезжались по влажным доскам. Тиш удержал. Сеня тихо хрюкнул. Взгляд сам метнулся к нему, и он тут же спрятал улыбку. Ну хоть кто-то в этом лазарете оценил цирковой номер.

Первый шаг дался плохо. Второй лучше. На третьем тело вспомнило, что вообще умеет ходить по качающемуся полу. Не я вспомнил. Оно. Ступня сама искала доску поперек волны, колено чуть пружинило перед боковым креном, пальцы ног цеплялись за неровность досок. Закир, может, и был забитым голодным юнгой, но корабль знал ногами. Я шагнул еще раз, корабль тихо качнуло, и тело ответило раньше головы.

Вот это уже было интересно. В прежнем теле равновесие держалось на массе и привычке к лестницам. В этом все шло иначе. Легче, быстрее, тоньше. Боль мешала, слабость мешала, но под ними пряталась гибкость. Откормить это тело, выспать и не убить тяжелой работой, вышел бы отличный монтажник для тесных мест. Узкие плечи, быстрые пальцы, молодые связки. Не богатырь, конечно. Зато пролезет туда, где взрослый мастер только выругается и пошлет ученика. У чужого тела нашелся первый плюс. Маленький, тощий, но

вполне рабочий. После смерти от удара током, считай, повезло с трудоустройством.

Агата следила за моей походкой. Глаза у нее снова стали внимательными. Она коротко сказала что-то Тишу, потом показала на дверь.

Тиш собрался вести меня обратно к койке, но из коридора донесся металлический треск. Несильный. Так дребезжит от вибрации плохо закрепленный кожух. Следом кто-то грязно выругался, голос мужской, злой и мокрый. Голова повернулась сама.

Дверь лазарета была приоткрыта. В щель виднелся коридор, узкий, темный, с ребрами балок вдоль стен. По потолку тянулись те же стеклянные трубки, только свет в них дрожал сильнее. У дальней переборки кто-то снял металлическую крышку с настенного щитка. Изнутри лился голубой свет.

Тиш отвлекся на Агату, которая велела ему принести что-то из шкафа. Сеня стоял рядом и тоже смотрел в коридор. На лице у него было обычное для нижнего человека выражение: любопытно, страшно, лучше бы не видел. Я сделал еще шаг. Потом еще.

— Эй!

Тиш шагнул следом. Вот это слово я понял без словаря. Я поднял ладонь. Мол, вижу, живой, сейчас. И, конечно, пошел дальше. До двери оставалось четыре шага. Я шел медленно и у порога ухватился за косяк. За дверью работала незнакомая железка с неправильным звуком. Всю жизнь,

услышав такое, я подходил посмотреть поближе.

Коридор встретил холодом. После жаркого лазарета воздух показался почти свежим: соль, мокрый канат, масло, кислый дым и тонкий металлический привкус, от которого сводило язык. Пол под ногами вибрировал. Справа за стеной шла труба, теплая даже сквозь дерево. Слева тянулись узкие двери, каждая со своей меткой, полоской ткани или царапиной. Длинный тесный проход, где люди протискивались с ведрами, окликали друг друга, уступали дорогу; запахи смешивались в сыром воздухе.

У открытого щитка стоял палубник. Имени я пока не знал, потом, наверное, узнаю. Сейчас он был для меня: мокрые рукава, широкая спина, грубые сапоги и раздражение человека, которому велели чинить то, что он с большим удовольствием пнул бы. Рядом на полу валялась снятая крышка. Из стены торчали медные жилы, скрученные в пучки и стянутые кожаными ремешками. На ремешках виднелись ломаные светящиеся метки, кое-где почти стертые.

А в центре щитка сидела черная коробка. Черная в полном смысле, матовая, гладкая, без единого винта и шва, будто кусок ночи вырезали по линейке и вставили в деревянную переборку. К ней через медные скобы и толстый шунт была примотана стеклянная колба. В колбе плавал кусок живой ткани.

Я замер. Кусок был размером с детский кулак, бледно-розовый, с темными прожилками. Он медленно сжимался и

разжимался в синеватом растворе. От него отходили тонкие нити, похожие на сосуды или корешки. Нити входили в медные зажимы, а зажимы проволокой были примотаны к черной коробке и стенному распределителю.

Существо в банке дернулось, и свет в коридоре вспыхнул ярче. Я забыл про боль. Нет, серьезно. На пару ударов сердца головная боль, ребра, слабость, страх перед местной медициной и даже спрятанный под рубахой цилиндр отошли назад. Передо мной висела такая инженерная ересь, что мысль поднялась с койки заметно бодрее тела.

Черная коробка без винтов и лючка. Стеклянная банка с живым органом. Медь. Кожаные ремешки. Проволока. Светящиеся знаки. И все это вместе работало. Плохо, но работало.

Глава 4

Контакт между медной жилой и зажимом сделали через что-то вроде мягкой прокладки. Прокладка набухла от влаги, на ней зеленел окисел. Один ремешок ослаб, и весь пучок слегка подрагивал в такт корпусу. Проволочная скрутка терлась о край металлической пластины. Рядом темнел след перегрева, тонкий, но очень выразительный. Стой такое в нашем цеху, я бы сперва позвал электрика, потом мастера, а потом матом позвал бы обоих еще раз. Внутри поднялся чистый, светлый ужас профессионала. Кто так изолирует? Ну кто?

Живая банка висит на соплях впритык к распределителю. Влага, медь, вибрация, органика, перегрев. Все радости разом и в одном месте. Тут не нужны никакие злые духи. Тут хватит одного нормального крена, и пробой на корпус устроит такой праздник, что даже здешние боги попросят акт расследования.

Палубник дернул один из ремешков. Искра щелкнула синим. Он отдернул руку и выругался. Под пучком затлела деревянная кромка. Он подхватил с пола мокрую тряпку и потянулся загасить ее; между тканью и открытой медью оставалось совсем мало места.

Я вскинул руку.

— Стой!

Русское слово ударилось в коридор и пропало впустую. Палубник услышал только шум. Обернулся, увидел меня, нахмурился. Во взгляде было все, что здоровый мужик думает о босом перевязанном юнге, который выполз из лазарета и решил давать советы.

Шаг вперед вышел на одном упрямстве. Я ткнул пальцем в тряпку, резко помотал головой. Показал на мокрый край, на синюю искру, на медь. Свел пальцы, будто между ними проскакивает дуга. Палубник огрызнулся коротко и зло. Сеня за спиной втянул воздух, тело Закира само дернулось назад. Отступить не вышло. Заводская привычка оказалась сильнее чужого страха: если человек тащит мокрую тряпку к живому контакту, его надо остановить, даже если он вдвое шире тебя и одной рукой отправит обратно на койку.

На полу у крышки лежал сухой обрезок кожи, старый, жесткий, может, кусок прокладки или ремешка. Наклонился я слишком резко, и мир на миг потемнел. Переждал. Поднял обрезок двумя пальцами, показал палубнику, потом на подводный зажим. К живой меди после той белой вспышки я лезть боялся. Палубник понял: разомкнул зажим за косячную рукоять. Свет в трубке погас; слабо светилась только колба. Палубник прижал тряпку к тлеющему дереву. Держась за сухой конец кожаного ремешка, я отвел пучок от пластины и вставил обрезок в зазор. Подтянутый ремешок прижал его к кромке.

Это была временная прокладка. Руки дрожали, инстру-

ментов и права на настоящую починку у меня по-прежнему не было. Я отступил, и палубник вернул рукоять зажима на место. Пучок перестал тереться о металл, синего щелчка больше не было, свет в трубке над головой мигнул и выровнялся. Палубник замолчал. Посмотрел на щиток. Потом на меня. Потом на кожу. Он приоткрыл рот, снова взглянул на ровный свет и сжал губы. Я ждал подзатыльника. Палубник только потер лоб рукавом. Должно быть, сердиться на босого советчика после такого результата стало труднее.

Тиш догнал меня из лазарета.

— Кир! — рывкнул он.

Ну вот. Это слово я тоже понял. За ним в дверях показалась Агата, в одной руке чашка, в другой чистая полоса ткани. Увидев меня у открытого щитка, она застыла. Лицо сделалось очень спокойным. Вот настолько спокойным, что я сразу понял, до чего мне плохо.

Палубник заговорил первым. Ткнул пальцем в щиток, потом в меня, потом в кожаный обрезок. Голос оставался злым, но в злости теперь слышалось другое. Он говорил отрывисто, поглядывая на ровно горящую трубку, словно докладывал о результате через силу.

Агата посмотрела на щиток. Потом на мои босые ноги. Потом на повязку. Потом на меня. Я развел руками, насколько смог. Мол, услышал треск, хотел только посмотреть. Оправдание вышло так себе, и от Агаты тут же прилетела короткая фраза. Тиш взял меня под локоть, уже крепче. Но

я успел поймать еще один повтор: палубник, закрывая щиток, споткнулся об обрезок медного пучка, который сам же и бросил на пол, и выдал длинную, сочную ругань.

Слово ударило в ухо, в горло и куда-то глубже.

— Ххарра, — тихо повторили мои губы.

Не по-русски. Слово вышло само. Хрипло, криво, но местное. С коротким рычащим началом и вкусом во рту, будто плюнул на бракованную деталь.

Палубник замер. Сеня за спиной издал тонкий звук, не то смех, не то ужас. Тиш вытаращился. Агата на один долгий миг закрыла глаза.

Я сообразил, что вслух повторил, скорее всего, не самое приличное слово в языке. Зато смысл его был ясен, как заводская табличка после хорошей мойки. Ххарра. Примерно «дрянь». Или «брак». Или «кто это делал, тому бы руки отдельно выдать по ведомости». Прекрасное первое слово для знакомства с местной техникой.

Палубник вдруг хмыкнул. Не дружелюбно, но уже без желания убить на месте. Ткнул себя большим пальцем в грудь.

— Ждан.

Потом ткнул в щиток и повторил слово еще раз.

— Ххарра.

Я кивнул с полной серьезностью.

— Ххарра, — согласился я.

Сеня зажал рот ладонью. Агата произнесла мое имя так, что я сразу повернулся к койке. На заводе таким голосом от-

зывали человека от станка, когда он уже успел забыть и про ограждение, и про мастера за спиной. Меня повели обратно. Дорога заняла всего несколько шагов, но к койке я добрел мокрый от пота. Тело дрожало, ребра ныли, голова стучала. Под рубахой у пояса тихо и твердо лежал спрятанный цилиндр. У койки Сеня вернул мне жестяную миску Закира, и я прижал ее к животу. Во рту держалось первое местное ругательство. А перед глазами стояла черная коробка, живая колба, гнилая изоляция и тот маленький сухой обрезок кожи, что на несколько секунд выровнял коридорный свет.

Агата уложила меня без лишней мягкости. Проверила повязку у виска, резко подтянула край бинта, сунула чашку с горьким отваром. Я выпил. Спорить с женщиной, которая одной белой тряпкой может остановить весь корабельный порядок, было глупо. Особенно после самовольного похода к щитку.

Сеня стоял у двери и смотрел на меня уже иначе. Он все еще держался у косяка, зато теперь тянул шею, поглядывая в коридор. Когда я встретился с ним глазами, Сеня уже не отвел взгляд. Мне хотелось верить, что после починки он меньше боится перемены во мне. Я поднял миску и показал ему. Сеня кивнул. Потом быстро ткнул двумя пальцами в свои глаза, в меня, в дверь, за которой остался щиток, и прошептал мое имя.

— Кир.

Сеня выговорил короткое имя уверенно, глядя прямо на

меня. Похоже, теперь он сам решил так меня называть.

Я кивнул в ответ и стал припоминать услышанное по порядку. К каждому понятому слову находились жест, предмет или ощущение; при повторе знакомый звук узнавался легче. Слова находились парами: имя к человеку, белая ткань к власти лекаря, миска к месту у котла, Цефир к пустоте в груди, Ххарра к плохой работе. Последнее, кстати, оказалось лучшим учителем: брак понятен без перевода.

Пока Агата убирала чашку, взгляд снова ушел к потолочным трубкам. Голубая жидкость в них шла ровнее, чем утром. Где-то в коридоре Ждан бурчал, возвращая крышку щитка на место. Тиш мыл руки и время от времени косился на меня, будто прикидывал, не привязывать ли теперь пациентов не ремнями, а якорной цепью. Глаза закрылись сами.

В темноте гудел корабль. Снизу шел ровный дрожащий звук. Сквозь веки синел свет трубок. У бедра лежала чужая миска. Под рубахой грелся точный цилиндр. Я беззвучно повторил первое слово, вспоминая мокрую медь и ругань Ждана. Здешних правил я пока почти не знал, зато уже сумел разглядеть ослабший ремешок и помочь с простой неисправностью.

Колокол ударил так, будто кто-то огромный приложил медный таз прямо к моим ребрам. Я проснулся рывком. Голубой свет в потолочных трубках дрогнул, вытянулся тонкими полосами, потом снова собрался в ровное свечение. Корабль под койкой шел иначе, чем утром. Напряженнее.

В обычном гуле прорезался частый мелкий стук, будто где-то внизу пустили под нагрузкой длинную цепную передачу, оставив ей почти никакого запаса.

Первый удар колокола еще катился по переборкам, когда пришел второй. Короткий. За ним сразу третий, такой же сухой. За дверью лазарета кто-то сорвался с места, простучали бегом сапоги, потом откликнулась дальняя труба связи. Голос в ней стал жестяным, резким и чужим. Слов я не разобрал, но порядок услышал. Тревога. Сбор.

Агата подняла голову от шкафа, сразу посмотрела на дверь и одним движением закрыла склянку, которую держала, сунула ее в гнездо на полке и защелкнула ременную петлю. Тиш уже стоял на ногах. Двое, только что двигавшихся устало и вполсилы, разом подобрались и стали быстрыми, точными, без единого лишнего движения. Агата указала Тишу на верхнюю полку, потом на дверь, потом на маленькую чашу у стола, и Тиш схватил белую ткань.

У меня во рту еще держался горький вкус утреннего отвара. Ребра ныли, голова отзывалась на каждый удар колокола тупой волной, зато сон слетел сразу. Я видел, как все поспешно встают со своих мест, и приподнял голову. Лежать еще приходилось, зато за дверью я теперь следил во все глаза. Любопытство у нашего брата помирает последним, обычно уже заодно с самим братом.

За дверью снова прошел шум. Дерево дрогнуло от тяжелых шагов. Кто-то коротко рывкнул. В ответ сразу несколь-

ко голосов дали одинаковое подтверждение. Языка я еще не разбирал, но заводское ухо узнавало построение. Старший отдал команду, смена приняла, лишние ушли с прохода. Голоса раздались в разных концах прохода. Люди быстро расходились по местам, освобождая середину коридора.

Агата надела поверх фартука чистый передник. Чистый в этом лазарете означало, что на нем еще можно было разглядеть исходный цвет ткани. Потом сняла с крюка белую ленту, проверила край, обернулась ко мне и ткнула пальцем в койку. Я поднял обе ладони. Мол, понял. Лежу. К щиткам больше не тянусь. Утренний урок усвоен почти целиком, если не считать лекарского презрения.

На жест Агата не купилась. Умная женщина. Шагнула ближе, прижала два пальца к запястью, посчитала пульс, потом резко заглянула в глаза. После этого дала один глоток горькой воды. Подождала, пока я сглотну, приложила ладонь к горлу и только потом отставила чашу. Еще раз посмотрела на мои поднятые руки. На заводе так мастер смотрел на практиканта, который клялся держать отвертку подальше от работающего щита.

Тиш тем временем подвесил у двери белую ленту. Не ту, что висела ночью знаком лазарета. Другую, шире и плотнее, с тонкой красной полоской по краю. При виде красной полоски ближайший раненый замолчал. В лазарете по-прежнему пахло кровью, спиртом и смолой, но теперь все смотрели на дверь. Следующая серия ударов колокола дошла до нас уже

приглушенной. Агата сказала Тишу несколько фраз, и среди незнакомого шепота я поймал свое имя.

— Кир.

Тиш глянул на меня с сомнением. Агата указала на проход у моей койки, потом на носилки за дверью. Он взял табуретку и поставил ее у стены. Агата покачала головой; Тиш ответил коротко и придвинул сиденье к боковине шкафа, чтобы я мог опереться. Теперь она кивнула. Отсюда оставался виден край дверной щели, зато проход к койкам освобождался.

Меня подняли осторожно, но без лишней нежности. Сначала сел. Мир привычно поехал вбок, потолок качнулся, желудок напомнил о пустоте. Переждал. Потом Тиш помог добраться до табуретки. Всего три шага, а к концу этих трех шагов я взмок так, будто тащил двигатель по лестнице. Молодое тело держалось, но выдыхалось пугающе быстро. Тиш подтянул пустую койку к стене, освобождая проход носилкам. А дверь теперь оказалась ближе.

Щель открывала кусок коридора и дальше, через приоткрытый люк, полоску палубы. Там было светлее. В щель врывался холодный воздух: мокрый канат, гарь, соль и что-то каменное, сухое, неприятно старое. Кровь после боя я уже научился узнавать. Этот запах напоминал пыль закрытого склада, который вскрыли после двадцати лет и сразу поняли, что трогать полки голыми руками не стоило.

Снаружи люди двигались парами. Первыми прошли двое палубников в просмоленных куртках. Один держал корот-

кий крюк, другой нес сложенную сеть с красными метками по краям. Оба грязные, уставшие и совершенно собранные. Лица как у рабочих, выходящих из аварийного пролета после пожара. Потом можно смеяться, пить, спорить, но пока в руках предмет: спина прямая, рот закрыт, глаза на старшего.

За ними провели человека. Он шел сам, едва переставляя ноги; на каждом шаге колени подгибались, и палубник придерживал его за локоть. На плече висела порванная страховочная петля. Лицо серое от пыли, губы потрескались, под правым глазом чернел синяк. Агата шагнула к двери так быстро, что я едва успел отдернуть ноги. Поймала его за подбородок, заставила поднять голову, потом приложила пальцы к шее. Человек попытался что-то сказать. Агата ответила тихо. Он сразу замолчал.

Тиш подал чашу. Раненый сделал два глотка, и Агата тут же забрала воду. Здесь даже для героев все отпускалось по мерке. Она провела ладонью вдоль его рукава, понюхала край ткани и резко поморщилась. Потом показала на узкий участок коридора, где уже лежала старая холстина. Человек сел туда покорно. Палубник рядом снял с его пояса нож и положил в отдельную чашу.

Сам этот порядок цеплял сильнее самого возвращения. Людей принимали на борт, как грязный инструмент после опасной работы. Руки отдельно. Нож отдельно. Ремень проверить. Воду строго по мерке. Одежду с этой пылью оставляли на холстине; люди сидели там же, пока лекарь не скажет,

что рядом с ними можно дышать.

В лазарет вошел Сеня. Вернее, просочился, как дым в щель. В руках маленькая переносная лампа с мутным стеклом. Фитиль на запястье дергался от его дыхания. Он увидел меня на табуретке, округлил глаза, потом быстро покосился на Агату. Та не стала его выгонять. Значит, Сеня был здесь не из любопытства. Ему дали дело.

Он встал у стены, прижимая лампу к груди. По лицу видно: поручением гордиться хочется, а находиться рядом с тем, что сейчас притащат, не хочется совсем.

— Се-ня, — позвал я тихо.

Он вздрогнул, будто его поймали за кражей. Потом посмотрел на меня и приложил палец к губам. Утром он делал так из страха перед тайной цилиндра. Сейчас жест был другой. Молчи. Сиди тихо. Старшим на глаза не лезь.

Я кивнул. За дверью стало тише. Тишина пришла странная, плотная, выстроенная. Так большой цех глохнет на секунду перед пробным запуском, люди молчат от ожидания, все смотрят на узел и ждут, выдержит ли.

Через люк показались первые носильщики. Четверо abordажников тащили длинный ящик на мягкой подвеске. Дерево там служило только внешней рамой. Под темными досками проступали металлические ребра, стянутые серебряистой проволокой и кожаными прокладками. По углам висели короткие цепочки, каждая проходила через пружинящую вставку из серого материала. Груз на них слегка плавал: при

каждом шаге ящик покачивался и мягко возвращался в середину. Хорошая подвеска. Очень хорошая.

На крышке уже стояло несколько восковых точек. Красный воск, белая нитка, черная царапина номера. Рядом болталась бирка, испещренная мелкими знаками. Для меня они оставались чужими закорючками, но рука мастера в них чувствовалась. Груз поместили на совесть. После таких знаков даже самый упрямый дурень должен был сообразить, куда лезть запрещено.

Вокруг ящика люди вели себя иначе, чем вокруг раненых. Раненого жалели по делу. Ящик боялись. Не как хищника, скорее как баллон под давлением, который неизвестно кто наполнял, неизвестно чем, а привезли его после пожара и поставили посреди прохода. Любую такую вещь двигают медленно, под надзором и с готовностью отскочить. Здесь вместо таблички «осторожно» работали ленты, пломбы, молитвенные жесты и люди, которые вдруг начинали говорить шепотом.

За ящиком шла женщина. Сперва я заметил руки. Чистые, тонкие, в плотных перчатках, хотя вокруг все были в пыли и поту. Потом серо-стальной кафтан с узкими застежками на рукавах. Потом темные волосы, туго стянутые на затылке; вдоль висков лежали ровные, тщательно приглаженные пряди. У левого глаза она держала медную линзу в тонкой оправе. Линза то поднималась, то опускалась, ловя свет.

Женщина внимательно смотрела на груз. На пломбы. На

подвес. На след пыли у кромки крышки. На тонкий голубой отблеск, что иногда пробежал под щелью. Агата вышла ей навстречу, и две женщины остановились по разные стороны ящика. Агата в белой ткани, уже тронутый пятнами. Вторая в чистом сером кафтане. Названия ее роли я пока не знал, но саму роль читал с первого взгляда. Агата осматривала раненых. Женщина с линзой проверяла груз: следила за отблеском под крышкой, за целостью пломб и одним движением ладони останавливала носильщиков, подходивших слишком близко.

— Ливия, — представила ее Агата.

Ливия. Имя легло в память рядом с остальными. Она ответила коротко. Голос оказался негромким и сухим; каждое короткое слово она произносила отчетливо. Так хороший наладчик говорит перед настройкой, когда лишнее слово может стоить пальца. Она подняла линзу, осмотрела белую ленту у двери, потом красную полосу, которую Тиш повесил раньше. Кивнула.

Следом появился высокий человек с ровным воротом и чернильными пальцами. Тот самый, что спорил с Агатой ночью. В руках он держал папку, сжатую так крепко, будто внутри лежал не бумажный учет, а тормозной клин для всего корабля. С Ливией он говорил сухо, задавал короткие вопросы, получал такие же короткие ответы и что-то отмечал на узкой дощечке.

Чернильный. Порядок. Журнал. Запись. Если Ливия дер-

жала право трогать ящик, то этот человек держал право потом спросить, кто именно его трогал.

Я поймал себя на том, что сижу на табуретке, вытянувшей, как дурак перед новым станком на выставке. Ребра протестовали, затылок ныл, а глаза липли к подвеске. У ящика был правильный вес, его выдавали шаги носильщиков и работа цепочек. Вещь внутри тяжелая: у левого носильщика цепочка натянулась сильнее, и плечо он держал ниже. То ли груз уложили с перекосом, то ли сами ручки висели неровно.

Тиш стоял на пороге как раз напротив низкого края. Сорвется такая цепочка — груз пойдет в сторону тяжелого угла, прямо ему в колени. Я потянулся с табуретки, так что ребра отозвались, дернул Тиша за рукав и показал: левее. Он нахмурился, глянул на ящик и все-таки отступил на полшага. Цепочка выдержала. А привычка не стоять под тяжелым краем, похоже, переехала в это тело вместе со мной.

Ливия достала из футляра тонкую красную ленту. Не ткань Агаты. Другая, сухая, жесткая, с блестящей нитью по краю. Она обвела лентой одну из защелок, поставила на нее восковую каплю и прижала маленьким пломбиром. Движение вышло быстрым и уверенным. Воск принял знак. Ливия подняла пломбу к свету, проверила, потом кивнула чернильному.

Агата тем временем заставила носильщиков по очереди вытянуть руки. Смотрела ладони, ногти, глаза. Одного заставила снять перчатку, у второго понюхала рукав, третьему

промыла царапину у большого пальца. Тот попробовал отмахнуться. Агата даже голос не повысила, просто посмотрела так, что мужик убрал руку обратно и дал промыть.

Вот он, здешний карантин. Никаких невидимых материй. Все руками. Грязная пыль на рукаве. Красная лента на ящике. Белая ткань у двери. Чужой мир, а техника безопасности, черт возьми, существовала. Порядок здесь обозначали тканью, воском и короткими командами; молитвенные жесты носильщиков этой работе пока не мешали.

Я почти уважительно хмыкнул. Сеня испуганно шикнул, но поздно. Ливия повернула голову. В линзе у ее глаза отразился голубой свет. Она чуть повернула голову, рассматривая меня сквозь стекло так же внимательно, как перед этим груз. Она увидела меня. Худого, перевязанного, сидящего у лазаретной двери с лицом человека, которому показали редкий механизм и попросили не облизываться.

Я медленно опустил взгляд. Из чистой осторожности. Пациенту, на которого вдруг посмотрело начальство у красной пломбы, лучше всего изобразить, что уже давно и увлеченно изучает собственные колени. Очень интересные колени. Между прочим, на правом обнаружилась старая ссадина, вполне достойная внимания. Ливия промолчала, но пауза осталась под кожей, как мелкая заноза.

Глава 5

Ящик поставили на низкий стол напротив лазаретной двери, у приемного люка, на отдельной холстине. Здесь осматривали людей и вещи с палубы, прежде чем пропускать дальше. Тиш подтянул край холстины до меловой черты и остался со стороны лазарета. Под ножки стола заранее подсунули толстые серые пластины. Изоляция. Или попытка изоляции. Я не знал, что здесь проводит местную силу, но пластины выглядели сухими, плотными и слишком дорогими для простой подкладки.

Чернильный назвал несколько слов. Носильщики отошли. Двое остались у стены. Третий сел на корточки и задышал в ладони. Четвертый тихо повторял чужое имя. Эвр.

Сеня рядом сжал лампу так, что костяшки побелели. Потом едва заметно коснулся пальцами лба. При Цефире пальцы от лба уходили к груди и дальше, в пустоту, а сейчас задержались у самых бровей, осторожно, близко к глазам. Похоже, так здесь берегутся от того, что лучше не понимать слишком быстро.

Крышку ящика сняли после проверки. Сначала Ливия провела над пломбой медной линзой. Потом достала короткий щуп с белым наконечником и коснулась им восковой точки. Наконечник остался целым, только на миг подернулся тонким инеем. Ливия посмотрела на иней, сказала одно сло-

во. Чернильный записал. Агата велела Тишу подать отдельную чашу. Тиш поставил ее на край холстины и отступил. Только после этого открыли две защелки, и я затаил дыхание.

Крышка пошла вверх туго, с сухим шорохом прокладки. Внутри обнаружился кусок металла. На первый взгляд обычный, куда скучнее драгоценности, идола, кости чудовища или живой мерзости в банке.

Искореженный, темный, неровный. Сперва он показался просто обломком какой-то машины, прошедшей через пресс, пожар и очень плохой день. Потом глаза привыкли к отблескам, и в хаосе начали проступать линии. Кольцо. Второе кольцо внутри первого. Ось, смятая, но слишком ровная для случайного хлама. Полированная дорожка, перетертая с одной стороны. По внутренней кромке темнели ряды крошечных штрихов. Отсюда они казались тоньше лазаретных рун и цепочек на клеймах. Похожи на служебную надпись или маркировку, с какими-то острыми углами; разобрать подробнее из-за порога я уже не мог.

В центре застрял ротор. Маленький тяжелый маховик размером с добрую заводскую шайбу, сделанный с такой точностью, что у меня внутри все разом встало по стойке смирно. Даже искореженный, он не потерял вычищенной симметрии. Край обода гладкий, плотный, чистый. Поверхность темная, будто металл таким и вырастили прямо в форме. На одном участке ползла синяя искра, короткими холодными зубцами.

Мужик у стены что-то шепнул и снова помянул Эвра. Другой, с синяком, коснулся губ и груди. Чернильный нахмурился. Агата посмотрела на руки людей. Ливия наклонилась ближе, подняв линзу. А я перестал слышать всех. Передо мной лежала сломанная вещь. Пока носильщик шептал молитву, я следил за линзой Ливии и перекошенным ротором. Она уже проверяла то, к чему меня и близко не подпустят.

Я вцепился в эту форму так жадно, что ребра и слабость опять отступили. Два кольца. Внутренний подвес. Маховик в центре. Следы равномерного вращения. Синяя искра ходит по участку, где ротор должен держаться в зазоре. На внешней обойме виднелся подпал — тонкая дорожка по кругу. Похоже на нагрев от трения: словно деталь долго задевала соседнюю поверхность там, где между ними должен оставаться зазор.

Гироскоп.

Слово всплыло само, земное, сухое и прекрасное. Рабочий узел стабилизации: маховик на подвесе, который держит положение, когда корпус дергает, кренит или надо поймать точное направление. Куда его тут ставили, я пока только гадал: корабль, какая-нибудь большая машина, навигационный прибор или что-нибудь совсем безумное. Принцип узнавался с ходу. Масса крутится. Ось сопротивляется резкому повороту. Целый узел держит направление лучше любого испуганного матроса. Этот держал только память о нормальной работе.

Ротор перекосило. Одна сторона сидела глубже. По кромке обоймы темнела тонкая черная дуга, место сухого контакта. Между ротором и кольцом должен был оставаться зазор. Маленький, ровный, сволочно точный. Такой проверяют мерительным инструментом по всему кругу. За ученическое «и так сойдет» у нас отправляли перемерять с самого начала.

С таким перекосом я прежде всего проверил бы подшипник. Или то, что у них вместо подшипника. Из дверной щели был виден только один просвет; роликов и смазки там я не различал. Может, ротор висел в силовом поле, посреди обоймы? Магнитный подвес, если по-земному. Или местная штука с похожим действием. Тогда просадка поля объяснила бы перекося: ротор коснулся обоймы, от трения пошел нагрев, зазор выбрало окончательно. А рывок мог свернуть уже зажатую деталь. Проверить бы с обратной стороны.

Я так увлекся этой версией, что пальцы сами повторили в воздухе окружность и перекося. Сеня дернул меня за рукав, и я опомнился. Поздно, конечно. Ливия смотрела уже не на обломок, а на мою руку.

Пальцы зависли в воздухе, изображая внутреннее кольцо, ось и место, где ротор ушел в контакт. Очень полезный жест для человека, который собирался сидеть тихо. Прямо образец скрытности. Заводской мастер во мне с отвращением отметил брак поведения. Я медленно опустил руку на колено.

Ливия удержала вопрос при себе. Ее глаза задержались на мне дольше, чем положено на нижнем пациенте. Агата

поймала этот взгляд, и лицо у нее сразу стало тверже. Между ними прошла короткая фраза.

— Кир, — отметила Ливия.

Она произнесла мое имя отдельно, словно собиралась его запомнить и позже спросить обо мне. Агата ответила резко, тем же правом, каким ночью осадила чернильного. Мол, этот мальчишка пока мой. Живой, слабый, с повязкой. Мой пациент. Слова оставались чужими, а смысл читался прекрасно. На родном заводе так медсестра выставляла начальника участка от койки, если тот приходил уточнить, когда пострадавший вернется на смену.

Чернильный кашлянул, и Ливия снова посмотрела на обломок. Поднесла линзу к синей искре. Искра дернулась, перескочила на место подпала и почти совсем погасла. Люди вокруг выдохнули так, будто кто-то убрал нож от их горла. Один палубник еще раз пробормотал имя Эвра.

Я едва не рассмеялся, но смех поднялся тихий, без злости. Просто картина складывалась до абсурда знакомая. Суровый палубник с крюком, шрамом через щеку и глазами, повидавшими за бортом всякое, шептал молитву над сломанной вещью. Остальные ждали Ливию. Я вспомнил, как у нас перед пробным пуском такой же здоровяк вполголоса уговаривал станок. А я сидел босой, перевязанный, голодный, в чужом подростковом теле и думал: дай мне токарный станок, нормальный резец, мерительный инструмент и помощника с крепкими нервами, и можно попробовать выточить времен-

ную втулку, вывести обойму, поймать зазор и посмотреть, оживет ли подвес.

Хотя нет. Сначала понять материал. Потом балансировку. Потом чем они держат поле. Потом где у этой штуки питание, а где командный узел, если он вообще отдельный. Потом убедиться, что при запуске ротор не выстрелит мне в лоб со скоростью диска от болгарки. Мечтать о ремонте, сидя на табуретке у лазаретной двери, было все равно что обещать Михалычу плавку в холодной печи.

Мне уже хотелось взяться за работу. Я смотрел на дорожную чужую деталь и прикидывал, как бы начал осмотр, если бы меня пустили к столу. Такую кладут на чистый стол, ругаются, ищут причину и держат начальство подальше от рук. Синий разряд снова прошел по ободу, и шепот вырвался сам.

— Ххарра.

Сеня тихо всхлипнул. Да. Не лучшее слово для карантинного стола, вокруг которого стоят Ливия, Агата, чернильный и абордажники. Зато совершенно точное. Если ротор перекосило и обойму пожгло, деталь и правда была ххарра. Отличное местное слово. Емкое. Производственное.

Агата повернулась ко мне очень медленно. Я машинально посмотрел на чашу, но она уже шла ко мне. Взяла за плечо, подождала, пока я переставлю ноги, и развернула от двери. Держала крепко, аккуратно, обходя повязку. Я понял: поси- дел, поглазел, теперь обратно на койку. Я попробовал еще разок взглянуть на обломок. Агата закрыла обзор собствен-

ным плечом.

— Кир, — позвала она.

Потом показала двумя пальцами на мои глаза, резко качнула ладонью в сторону ящика и показала на пол лазарета, где после носильщиков уже темнели мокрые следы, серые крошки пыли и тонкая красная нитка от чьего-то рукава. Агата подняла из угла короткую щетку, сунула мне в руки, и тут же забрала обратно, увидев, как дрожат пальцы. Подумала. Вместо щетки ткнула пальцем в койку. Сначала лежать. Потом пол. Язык тут можно и не знать, когда мысль подают таким внятным техническим чертежом.

Тиш помог мне встать с табуретки. Ноги оказались ватными. Сеня придержал лампу и смотрел на меня огромными глазами. В его взгляде мешались ужас, восторг и отчаянное желание спросить, почему я обозвал страшную вещь тем же словом, каким утром Ждан обозвал плохой щиток.

Я бы рассказал про зажатый ротор и нагрев подшипника — причины, которые привык искать в таких узлах. Заодно спросил бы, что проверяла Ливия своим щупом и почему на белом наконечнике выступил иней. Интересно же, что она там увидела. Но на такое объяснение мне не хватало ни языка, ни сил, ни права стоять у стола.

Тиш вернул койку на место, и меня снова уложили. Дверь осталась приоткрытой. Я видел только край карантинной холстины и ноги людей. Чистые сапоги Ливии. Пыльные сапоги носильщика. Ровные ботинки чернильного. Тишины

там больше не было. Пошла работа. Щуп коснулся металла. Шуршала папка. Агата велела кому-то подать воду. Ливия произнесла несколько коротких слов, и один из абордажников тут же отступил от стола.

Корабль подо мной гудел. Где-то внизу старые узлы держали ход. Где-то сверху ветер бил в снасти. В коридоре люди осторожно разбирали кусок чужой машины, вынесенной из опасного места, и боялись ее сильнее раненого зверя. На животе у меня лежала жестяная миска Закира. Под рубахой тихо давил спрятанный цилиндр. Во рту держалось слово «ххарра», уже второе маленькое звено в цепочке нового языка.

Я закрыл глаза, но обломок не исчез. Кольцо. Второе кольцо. Ротор. Перекос. Черная дуга сухого контакта. Синяя искра у предполагаемого подвеса. Из всей картины я лучше всего запомнил след трения; хотелось разглядеть его снова и проверить свою догадку. Смешно. Утром я обрадовался плохой изоляции в коридоре. Теперь едва не влюбился в сломанный гироскоп и уже попался Ливии со своими жестами. Такими темпами через неделю я стану проситься не домой, а к ближайшему токарному станку. Только сперва надо выжить, выучить язык и заслужить право держать в руках что-нибудь тяжелее миски.

За дверью Ливия сказала мое имя еще раз. Тихо. Не мне, другому человеку. Агата ответила так же тихо, но с железом. Слов я не понял, зато понял другое. Меня заметили. И это

разом радовало и пугало. Невидимого выметают вместе с мусором у переборки. Заметного могут позвать к механизму, спросить, что он там разглядел, и выдать шанс вперемишку с лишней работой и чужой злостью. Заметный получает все сразу.

Дверь лазарета скрипнула. Тиш вошел с тазом, поставил его у стены и принялся отмывать серую пыль с пола. Агата вернулась через минуту. В руках у нее была та самая короткая щетка. Она посмотрела на меня, на пол, снова на меня. Потом поставила щетку у моей койки, рядом с жестяной миской. Приказ на будущее вышел предельно понятным.

Я покосился на щетку. Потом на приоткрытую дверь, за которой на отдельном столе лежал лучший кусок чужой поломки из всех, что мне довелось увидеть после смерти. Ну что ж. В новом мире дорога к точным механизмам, похоже, начиналась с грязного пола. На родном заводе, честно говоря, бывало не сильно иначе, так что квалификацию я, можно сказать, уже подтвердил.

Щетка всю ночь стояла у койки, щетиной к моему лицу. Просыпаясь, я снова натыкался на нее взглядом и вспоминал про завтрашнюю уборку. Компания так себе, но выбор в новом теле пока был небогатый.

Впрочем, разглядывал я ее нечасто. Сон приходил кусками, короткими темными провалами между гулом корабля, шагами за дверью и шепотом людей у карантинной холстины. За стеной еще долго возились с обломком. Щупы звяка-

ли о металл, папка чернильного сухо шуршала, Ливия говорила ровно, будто диктовала опись. Агата отвечала реже, но тверже. В ее тоне держалось простое правило лазарета: пока вещь может заразить человека, вещь стоит ниже человека.

Два кольца, просевший подвес, перекос, контакт, нагрев. Красивая поломка. Из тех, ради которых в прежней жизни взрослые мужики забывали про обед и спорили о допусках с почти счастливыми лицами.

Я не выдержал. Когда шаги за холстиной стихли окончательно, я сполз с койки и, стараясь не тревожить ребра, прокрался к приоткрытой двери. Коробка стояла в полумраке, тяжелая, оплавленная, фонящая чужой силой так, что волосы на загривке шевелились. Я хотел рассмотреть подвес поближе и остановился у дверного косяка, перед меловой чертой. Тут цилиндр под рубахой потеплел. Я подхватил его ладонью и осторожно вытянул из-за ремешка.

Металл был теплым, ладонь терпела. Из узкой щели без звука ударил тонкий синий луч, скользнул по пыльному воздуху и развернулся перед лицом в многослойную светящуюся проекцию. Объемный чертеж. Я застыл, держа цилиндр на вытянутой ладони.

На ближайшем изображении различались вал, обойма и вложенное в нее кольцо. Я осторожно наклонил цилиндр. Рисунок повернулся, и стало видно сечение: вал проходил через два разнесенных опорных узла, между кольцами оставался ровный просвет. Вдоль оси тянулась стрелка. Еще две

сходились к опорам — похоже, обозначали направление нагрузки. Размеры стояли чужими знаками. Я узнавал само устройство чертежа и злился, что прочесть его пока не могу.

За ним просвечивали другие листы: разрезы узлов, таблица со столбцами значков, несколько заштрихованных образцов. Составы сплавов? Режимы обработки? Я мог только гадать. В маленьком цилиндре хранилось столько изображений, что их не удавалось рассмотреть разом.

В коридоре стукнула доска. Я отпрянул от двери, и линии побледнели. Подождал, прислушиваясь. Тихо. Приблизил руку к косяку — чертеж снова стал четким. Значит, включение как-то связано с этим ящиком. Отсюда цилиндр получал силу? Я сделал полшага назад; дальние изображения рассыпались на бледные штрихи. Дальше проверять побоялся: синий свет был виден из прохода.

Я смотрел на эти линии и все сильнее боялся, что находку отнимут. Сеня боялся показывать ее старшим; меня здесь могли отослать за ведром посреди любого занятия. В голове уже рисовались допрос и расправа, хотя пока Агата меня лечила, а Ливия только присматривалась. Страх все равно сдавливал горло. Мне нужна свобода. Своя мастерская на берегу, статус вольного механика и нормальные станки. Уйти с этого корабля при первой возможности и самому решать, кому показывать цилиндр.

Я отступил еще на шаг. Последние линии погасли, и я убрал цилиндр за пазуху, сглотнул сухость в горле и вернулся

на койку. К утру Ливия, пожалуй, заберет тяжеленный ящик с грузчиками в свой закрытый отсек. Тогда до этого случайного источника питания мне уже не добраться.

В новом мире мне вместо мела выдали щетку.

Утром Агата поставила передо мной ведро. Небольшое, деревянное, с темным железным обручем. Внутри плескалась вода с серой золой. Рядом легла тряпка, жесткая, волокнистая. Щетка вернулась с пола к моим ногам. Три предмета вместе складывались в такой понятный приказ, что знание языка становилось уже излишней роскошью.

Я посмотрел на Агату. Она стояла у койки, сонная, с темными кругами под глазами и белой полоской ткани на запястье. Вчера эта женщина спорила с Ливией у странного ящика и одним взглядом усаживала на холстину крепких палубников. Сегодня она проверила мою повязку, потрогала висок, заставила поднять руки, повернула ладони и кивнула с видом лекаря, уже поставившего в ведомости отметку «годен к работе с ограничениями».

— Кир.

— Кир, — подтвердил я.

Она ткнула пальцем в пол. Потом в ведро. Потом в серые следы у двери, где вчера прошли носильщики, карантинная холстина и чужая пыль. На полу виднелись разводы, мелкие крошки, темная полоса у порога и засохшее пятно, которое лучше не рассматривать до завтрака.

— Пол.

Слово прозвучало жестко, с коротким ударом языка. В теле что-то отозвалось. Не память смысла, скорее память приказа. Подросток, чьи руки теперь были моими, слышал это слово много раз, и обычно сверху вниз.

— Пол, — повторил я.

Агата прищурилась. Потом указала на ведро.

— Вода.

Это слово я уже ловил: у чаши, у кружки, у лазаретной полки. Теперь оно встало на место. Вода. Главная жидкость на корабле после крови, а если судить по тому, как ее выдавали, то и поважнее крови.

— Вода.

Получилось криво, но Агата не поморщилась. Даже уголок губ чуть дрогнул. Тиш, разбиравший у стола грязные чаши, тихо фыркнул. Агата мгновенно повернула голову, и санитар тут же обнаружил массу неотложных дел в тазу.

Я получил щетку.

Чтобы встать, пришлось сперва отдышаться. Свесить ноги и дожждаться, пока комната встанет на место. Потом поставить ступни на доски, беречь правый бок, шею поворачивать плавно, взгляд опускать после паузы. Я держался за край койки, распрямлялся понемногу и все время прислушивался к боли. Раньше опирался бы на сильные руки и поднялся одним движением. Теперь нужно было привыкнуть к каждому шагу.

Когда колени приняли вес, корабль мягко ушел вниз, и

тело ответило без моего участия. Ступня переставилась шире, плечо чуть развернулось к качке, пальцы ног нашли щель между досками. Закир знал палубу лучше, чем я знал это тело. В этом было неприятное чувство чужой жизни, но была и польза. От мальчишки мне достались ожоги, страх перед старшими и это уверенное движение. Я смог удержать равновесие.

— Живой.

Русское слово вырвалось само. Агата коснулась моего запястья и коротко ответила на своем языке. Я вспомнил этот звук: так она сказала ночью, проверяя мне пульс. Повторил за ней, потом добавил имя.

— Кир. Живой.

Агата услышала второе. Взгляд ее стал внимательнее, но мягче не стал. Она хлопнула пальцами по ручке щетки. Правильно. Философию после смены. Сейчас пол.

Тиш повязал мне нос и рот влажной тканью, показал на свои руки и обмотал мои ладони старыми чистыми полосами. Я опустился на колени. Доска тут же отдала холодом сквозь тонкую ткань штанов. Щетка оказалась тяжелее, чем выглядела. Вода с золой пахла дымом, мокрой тряпкой и чем-то щелочным. Первый взмах отозвался в ребрах, второй в виске, третий в ожогах. Зато после четвертого движение стало понятным. Смочить доску. Надавить. Провести по волокну. Собрать мокрую серую пыль тряпкой. Сменить угол. Воды лить мало, иначе доска разбухнет и по шву пой-

дет грязь.

Лазарет начал открываться иначе. Пока лежишь, видишь потолок, стол, руки Агаты и чужие раны. Пока моешь пол, видишь карту места. Где Тиш ставит ведра, там доски темнее. У стола желоб сбрасывает отработку в угол, оставляя мутный полумесяц. У лекарского шкафа пол почти чистый, там Агата держит чужие сапоги на расстоянии. У двери доска стерта пятками, зато выбоин почти нет: значит, людей сюда вносят быстро и кладут бережно. Рабочее место, где порядок держится на пользе и выживании.

Тиш подошел, поставил рядом второе ведро и что-то сказал. Я поймал только два слова. Вода. Кир. Остальное ушло мимо, но жест был ясен. Грязную воду туда, чистую не трогать. Перепутаешь, получишь не просто окрик, а, чего доброго, новую дыру в голове.

Русское «понял» уже поднялось к языку, но здесь оно не годилось. Тело дернулось и вытащило из глубины короткий местный ответ. Грубый, привычный, нижний.

— Сделаю.

Тиш замер с рукой на ручке ведра. Агата тоже обернулась.

Похоже, я попал в слово. Кривое, простоватое, зато живое. Так юнга отвечает старшему, когда спорить глупо, а задерживаться опасно. Крохотная деталь сказала больше длинной лекции. В этом мире у меня пока звучал голос мальчишки с ведром, а голос мастера сидел глубоко внутри и помалкивал.

Я повторил осторожнее.

— Сделаю.

Агата кивнула. Тиш выдохнул и ушел к столу. Новое слово легло на язык шершаво, но надежно. Сделаю. Пол. Вода. Кир. Ххарра. Небогатый словарь, зато на первую полноценную производственную смену уже хватало.

К середине уборки спина ныла, но тело перестало дрожать. Слабость осталась, зато под ней прорезался ритм. Щетка вперед. Сбор грязи. Полоскание. Выжим тряпки. Прежняя сила осталась в прошлой жизни, зато подростковая легкость позволяла гнуться ниже, переставлять колени быстрее, ловить качку почти без мысли. Странно радоваться умению мыть пол, но новое тело впервые давало не одну боль, а полезное движение. И на том спасибо.

Агата заметила. Она вообще замечала все, что имело температуру, кровь или шанс упасть. Когда я добрался до порога, она подошла и присела рядом. Проверять. Пальцы легли на повязку у шеи. Потом на предплечье, где подсохшая ссадина натянулась от работы.

— Боль?

Слова я не знал, но смысл прочитал по нажиму пальцев и по лицу.

— Есть, — выговорил я на местном, вытянув слово из чужой памяти почти на ощупь.

Она коротко кивнула, будто верный ответ ее устроил, и ткнула пальцем в меня.

— Юнга.

Глава 6

Агата произнесла это так же буднично, как перед тем «пол» и «вода». Назвала мое место и сразу указала, какая работа с ним связана. От этого, впрочем, было не легче. Оскорбление можно отбить. Назначение приходится менять работой.

— Юнга, — повторил я.

Агата показала на щетку.

— Пол.

Потом на ведро.

— Вода.

Потом на дверь.

— Фома.

Вот от этого слова тело сжалось само. Плечи ушли внутрь, живот подтянулся, пальцы крепче стиснули щетку. Агата заметила и спрашивать не стала. Видимо, вздрагивать на имя Фомы у здешних юнг входило в стандартный набор признаков жизни.

— Фома, — повторил я тихо.

Слово было сухое. В самый раз для человека, которого я еще не видел, но уже знал ребрами.

Агата выпрямилась и посмотрела на меня сверху. Потом медленно, очень отчетливо произнесла несколько фраз. Целиком я их не понял. Но куски встали рядом. Кир. Живой.

Юнга. Фома. Пол. Вода. Сделаю.

Перевод выходил безрадостно ясный. Пациент кончился. Начался чернорабочий.

Удивительно, но эта мысль меня не придавила. Обиде-
ла? Да. Насторожила? Очень. Но под обидой сразу зашеве-
лилась рабочая жилка. Чернорабочий ходит там, куда чисто-
го мастера не пустят. Носит ведра, лезет под столы, слушает
трубы, видит пятна и следы, пока старшие спорят наверху.
Прав мало, зато маршрутов много. И если уж начинать сни-
зу, смотреть под ноги надо внимательнее всех.

К концу лазаретный пол стал темнее и ровнее. До по-на-
стоящему чистого отсюда было как до капитанского мости-
ка. Но серую пыль я собрал, пятно у двери снял, а в ще-
ли под столом нашел маленькую металлическую скобу. Тиш
увидел ее в моей ладони, чуть было не присвистнул, но во-
время вспомнил про запрет на свист. Забрал скобу, повер-
тел, фыркнул и кинул в отдельную чашу. Я намотал на ус:
здесь даже найденный на полу обрезок сначала показывают
старшему и только потом решают, куда его деть.

Тиш снял с меня защитную ткань и полосы с ладоней, сло-
жил их в грязное ведро. Агата позволила мне выпить пол-
кружки воды. Настоящей, без золы. Пил медленно, почти
благоговейно. Потом она сунула в руку плоскую галету, род-
ную сестру вчерашнего строительного материала, и жестом
велела есть на ходу.

Тиш принес мне чужую рубаху. Старую, серую, залатан-

ную на плече. Ту самую, из свертка Закира. Когда ткань легла на кожу, внутри опять дернулось что-то неприятное. Она села по плечам так точно, что я невольно опустил глаза на заплату. Шов пах дымом, потом и нижней сыростью. Зато рубаша прятала повязки и возвращала мне вид рабочего человека, а не лазаретного груза. Жестяная миска отправилась за пазуху.

Агата открыла дверь. Коридор встретил шумом. После лазарета здесь было шумно и тесно: голоса перекрывали друг друга, люди протискивались у стен. По доскам бежала дрожь. Где-то впереди стучал молоток. Сверху тянуло холодом, снизу жирным теплом. Голоса пересекались, но я уже вылавливал в них крошечные понятные островки. Вода. Пол. Кир. Ххарра. Сделаю. Юнга. Фома.

Тиш снова повязал мне нос и рот тканью, обмотал ладони чистыми полосами и сунул ведро со щеткой. Показал вперед, потом вверх. Агата добавила короткую фразу.

Главное я понял. Мыть не только лазарет. Следы карантинного прохода уходили к палубному люку.

Ноги двинулись сами, пока голова возмущалась. Из лазарета я вышел через узкую переборку на жилой уровень, где пахло чужой чистотой, закрытыми дверями и дорогой тканью. Доски здесь были ровнее, стяжки отполированы плечами людей с папками, футлярами и правом проходить первыми. Я держался ближе к стене. Стоило выйти на середину, как плечи сами сжимались в ожидании окрика или тычка от

встречного.

Через несколько шагов запах переменялся. В коридор во-
рвался ветер. Настоящий. Холодный, резкий, с солью и мок-
рыми снастями. Где-то хлопнула ткань, потом громко скрип-
нула петля люка. Тиш толкнул дверь плечом, и я впервые вы-
шел на открытый участок своим ходом, с ведром и щеткой.
Я еще помнил падающую мачту и потому сперва посмотрел
вверх. Карьерный рост, что ни говори.

Небо ударило в лицо.

Я успел забыть, какое оно большое. Лазаретный иллюми-
натор давал только полоску синевы, а первая палуба осталась
в памяти криком, кровью и чудовищем из разлома. Сейчас
боя вокруг не было. Корабль шел рабочим ходом. Над голо-
вой тянулись паруса, темные от пропитки, с красноватыми
нитями по швам. Тросы уходили к мачтам, блоки лениво по-
ворачивались, где-то постукивала снасть. Слева за фальш-
бортом распахнулась высота.

Я подошел на полшага ближе, и тут же пожалел.

Внизу плыли облака. Целыми белыми полями, разорван-
ными зелеными провалами леса. Корабль отбрасывал огром-
ную тень. Она шла по верхушкам деревьев темным вытяну-
тым пятном, перескакивала через серые скалы, растекалась
по дымке и снова собиралась. Земля казалась чертежом, ко-
торый положили слишком далеко от глаз.

Страх высоты вцепился в живот ледяной скобой. Тело За-
кира эту высоту знало, и все равно ее боялось. Или уважало.

В цеху я стоял на мостиках и лазил по фермам, но там внизу был бетон. Плохой, твердый, окончательный. Здесь внизу лежал целый мир, до которого падать пришлось бы так долго, что успеешь составить акт и дважды пожалеть о нехватке перил.

Рядом Тиш дернул меня за рукав. Да, точно. Пол.

Палуба у люка была в серых следах. Вчерашний ящик протащили по холстине, но пыль все равно просыпалась. На досках остались тонкие дорожки, местами с синим поблескиванием, которое пропадало, стоило посмотреть прямо. Агата не зря отправила сюда мыть. Пыль от странной вещи лучше убрать раньше, чем ее разнесут сапоги, ветер и любопытные юнги.

Я встал на колени у люка и принялся за дело. Здесь щетка шла иначе. Доски суше, щели глубже; Тиш сначала пролил дорожки зольной водой, и я собирал мокрый налет к тряпке. Ветер бил в глаза солеными брызгами. Тиш прижал ведро ногой. Палубники проходили мимо скользящими взглядами. Один задел меня бедром и бросил короткое слово. Голова пропустила смысл, тело приняло приказ. С дороги. Просьба и злость тут ни к чему. Просто порядок. Юнга убирается с прохода, как стружка из-под резца.

Я переставил колени ближе к переборке. У люка была узкая решетчатая площадка, выступавшая сбоку за корпус. Ветер бил в уши. Паруса над головой тянули с низким напором. Сквозь решетчатый настил виднелись темные боковые пло-

щадки, стабилизаторы или что-то при них. Вблизи корабль напоминал старый летающий завод: дерево, металл, костяные вставки и над всем этим переплетение снастей. Боковые плиты держали горизонт, кормовые кольца гнали воздух, паруса ловили поток. Все вместе работало грубо, шумно и на удивление уверенно.

Грязь упрямо забивалась в щели, зато взгляд нашел развлечение поинтереснее. Сквозь решетку палубы я видел, как тень корабля идет по земле. Если считать не свои шаги, а мелькание деревьев внизу, можно прикинуть скорость. Высота неизвестна. Масштаб леса тоже. Зато есть длина собственной тени, есть прохождение через просеку, есть ритм качки и время между двумя крупными скальными выступами.

Я замер со щеткой в руке. Тиш тут же шикнул.

— Пол, — напомнил он.

— Пол, — согласился я и снова провел щеткой, но глаза уже жили внизу.

Сначала тень носа легла на одинокую скалу. Потом по ней прошла корма. С боковой площадки я видел край носа и кормовые снасти. На глаз, по пролетам ограждения, набиралось метров шестьдесят с носовым жалом. Ошибиться мог изрядно. Время между носом и кормой я считал по ударам сердца, хотя пульс после лазарета то учащался, то сбивался. Выходило быстро. Очень быстро для такой тяжелой кирпичной физиономии.

Я прикинул грубо. Потом еще раз. Если с длиной я угадал, крейсерский ход выходил около сорока, а то и пятидесяти километров в час. Для парусника с винтами и старым корпусом такой ход отдавал наглостью. Красивой, дорогой, прожорливой наглостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.